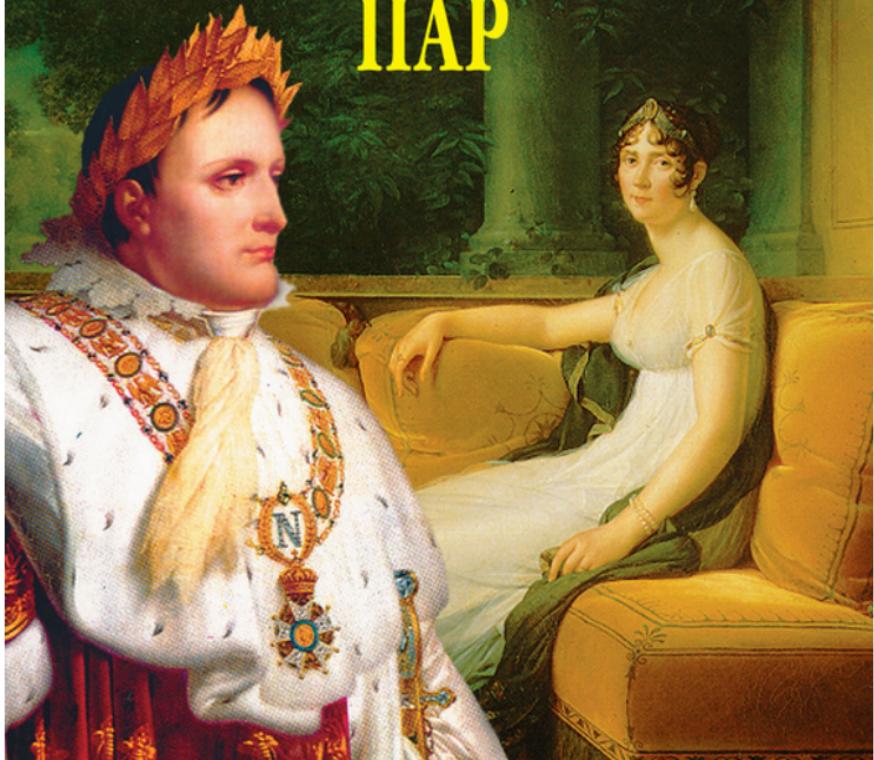

100

ВЕЛИКИХ
СУПРУЖЕСКИХ
ПАР

Игорь Анатольевич Мусский

100 великих супружеских пар

Серия «100 великих (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21164819

Игорь Мусский. 100 великих супружеских пар: Вече; Москва; 2008

ISBN 5-9533-0515-X, 978-5-4444-8042-7

Аннотация

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», – отметил Л. Н. Толстой в «Анне Карениной». В данной книге представлены очерки о ста великих супружеских парах разных времен и народов. Это двести великих жизней! Кого-то любовь и супружеская жизнь вдохновили на создание шедевров литературы, музыки и кино, совершение научных открытий, заставляли принимать решения, влиявшие на развитие государств. Некоторым супружество в итоге приносило разочарование и несчастья. Но все они остались след в истории человечества и своими жизнями в который раз доказали, что любовь переворачивает мир и творит чудеса, а крепкие семьи остаются одной из основ для любого общества. Перед читателями пройдут жизни Ивана III и Софьи Палеолог, Сулеймана I и Роксоланы, Наполеона Бонапарта и Жозефины Богарне, Роберта Шумана и Клары Вик, Александра Пушкина и Натальи

Гончаровой, Пьера Кюри и Марии Склодовской, Николая Рериха и Елены Шапошниковой, Лоренса Оливье и Вивьен Ли, Джона Кеннеди и Жаклин Бувье... Разные страны и эпохи, несхожие судьбы, различные оценки современников и потомков...

Содержание

Эхнатон и Нефертити	6
Перикл и Аспасия	15
Октавиан Август и Ливия Друзилла	24
Юстиниан I и Феодора	31
Князь Игорь и Княгиня Ольга	36
Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер	44
Иван III и Софья Палеолог	52
Сулейман I и Роксолана	61
Лжедмитрий и Марина Мнишек	69
Джахангир и Нур Джахан	79
Рембрандт ван Рейн и Саския ван Эйленбург	88
Петр Первый и Марта Скавронская	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Игорь Мусский

100 великих

супружеских пар

© И. А. Мусский, 2005

© ООО «Издательский дом «Вече», 2005

Эхнатон и Нефертити

На одной из четырнадцати стен, установленных на восточном берегу Нила, где располагалась древнеегипетская столица Ахетатон, высечена надпись: «Рано утром, когда первые лучи солнца озарили землю, на сверкающей золотом колеснице к берегу Нила приехал фараон. Он был подобен самому богу солнца Атону, который наполняет своим светом всю землю. И повелел царь созвать всех придворных, военачальников и вельмож и поклялся перед ними: “Как живет мой отец Атон, прекрасный, живой! Я сотворю здесь столицу Ахетатон для отца моего Атона на этом месте, которое он сам сотворил, окружив его горами!”»

Да, странные события происходили в Древнем Египте во время правления фараона Аменхотепа IV. Вознесенный на вершину славы одними, почитавшийся умалишенным другими, этот неординарный правитель был сыном царственной четы – фараона-солнце Аменхотепа III и «великой царской супруги» Тейе, известной своей властью и мудростью. Детство и юность он провел в пышном фиванском дворце в Мальгатте.

Аменхотеп IV взошел на престол в 1364 году до Р. Х. в возрасте пятнадцати лет. К этому времени он уже был женат на Нефертити. По-древнеегипетски имя Нефертити означает: «красавица грядет». Ее родителями были египетские вельможи Эйе и Тии, происходившие из среды провинциального жречества из города Коптоса. Царица Тейе состо-

яла с ними в родстве, что ей отнюдь не льстило. Поэтому Тии в официальных надписях именовалась «кормилицей Нефертити, великой супруги царя», в то время как Мутноджемет, младшая сестра Нефертити, имевшая статус придворной дамы, открыто именовала Тии матерью. Некоторые историки полагают, что Нефертити – дочь Аменхотепа III. Но нет решительно никаких доказательств, подкрепляющих эту гипотезу. Она никогда не носила титула «дочь царя».

Сердце Эхнатона пленили удивительная красота и грация Нефертити. Она была его «любимой», «радующей сердце царя». Даже в официальном титуле проскальзывало свидетельство любви фараона – «жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель». Нефертити стала символом красоты египетской женщины. Два ее удивительных портрета – один хранится в Берлине, другой в Каире – излучают очарование.

На пятом году правления молодой фараон меняет имя. Отказавшись от имени Аменхотеп, в состав которого входит имя бога Амона, он называет себя Эхнатоном, то есть «угодный Атону», или «действенный дух Атона». Отныне власть царя хранит лучезарный бог Атон, кульп которого был распространен еще во времена Аменхотепа III.

Покинув Фивы, Эхнатон основал новую столицу Ахетатон (городище Телль-Амарна). За строительством и украшением города он следил сам.

Эхнатон выступал в качестве верховного жреца Атона,

слагал многочисленные гимны в честь этого божества и проповедовал свое учение среди народа. Когда Эхнатон и Нефертити на великолепной колеснице проезжали по улицам города, толпа приветствовала их возгласами: «Жизнь, здоровье, сила».

Супругов соединяла глубокая любовь. Царица, как и ее повелитель, поглощена «атонизмом». Она становится верховной жрицей особого святилища, где почитают культ заходящего солнца. Она – «умиротворяющая Атона голосом сладостным, своими руками прекрасными...».

Все поступки царицы свидетельствуют о том, что она хорошо разбиралась в людях, обладала умом, тактом, выдержанкой и огромной волей. Неудивительно, что она становится главным советником мужа. Дипломатические подсказки и решения супруги приводили Эхнатона в восхищение, он не уставал прославлять ее мудрость. Иногда преклонение перед царицей переходило все границы. Так, вознося клятвы Атону при основании новой столицы, Эхнатон клялся Верховному Божеству не только своим Богом-отцом, но и своей любовью к жене и детям.

Еще более поразительно другое нововведение египетского царя. Теперь, объезжая свои владения, фараон брал с собой супругу. Кроме того, царица присутствовала при награждении сановников. По приказу Эхнатона в новой столице рядом с его скульптурами появились изваяния Нефертити. Такие же огромные и величественные. Фараон искусственно в

противовес традициям насаждал культ царицы, подобно тому, как взамен одного бога он распространил культ другого.

Безусловно, не обходилось без сплетен и интриг. Недовольные вельможи пытались опорочить действия царицы, возбуждали негодование в народе против Нефертити. Однако коварные замыслы не имели успеха, напротив – каждый день приносил новые доказательства небывалой любви царя к жене-красавице.

Нефертити родила царю шесть дочерей. Любопытный факт: в именах пятой и шестой дочерей имя Атона заменяется именем Ра. Это сделано, несомненно, по религиозным мотивам. Супругам нравилось демонстрировать свою нежную любовь к детям. На одном из рельефов царица, сидящая на коленях царя, держит на руках дочь-малютку. Статуэтка запечатлела Эхнатона, целующего дочь. Сохранились уникальные изображения царских обедов и ужинов. Эхнатон и Нефертити сидят рядом. Около пирующих стоят украшенные цветами лотосов столики с яствами, сосуды с вином. Пирующих развлекает женский хор и музыканты, снуют туда-сюда слуги. Три старшие дочери – Меритатон, Макетатон и Анхесенатон присутствуют на торжестве.

Словом, до некоторых пор жизнь царственной четы протекала безоблачно. Многие историки считают, что причиной разлада в семье стало отсутствие сына, который мог бы унаследовать престол. Дочери не обеспечивали надежность продолжения династической смены власти.

Вскоре у Нефертити появилась соперница – самая красивая из наложниц фараона – Кийа. Фараон объявил, что признает ее побочной женой.

Нефертити тяжело переживала разрыв с законным супругом, хотя и знала, что он неизбежен, и готовила себя к этому. Царица по-прежнему была приветлива с мужем, радовалась его появлению, его встречам с дочерьми. Она принимала ласки фараона и была готова удовлетворить его любое желание.

Эхнатон все чаще посматривал на Анхесенатон, третью свою дочь от Нефертити. Девочка, подобно утренней розе, была удивительно хороша собой. Старшая дочь, Меритатон, была замужем за Сменхкаром, которого прочили в наследники. Выдали замуж и вторую дочь, сватались к третьей, но фараон не спешил с новой свадьбой, отвергая всех претендентов.

Наконец он объявил, что избрал себе в жены Анхесенатон и просит Нефертити подготовить ее к столь серьезному шагу, обучить искусству любви. Девочке восемь лет, она давно созрела для брачного ложа. Сам бог Атон указал ему новую избранницу.

Эхнатон повелел возвратить Кийа обратно в гарем. Отвергнутая любовница была обречена на вечное забвение, несмотря на то что родила фараону двух сыновей-принцев, которые считались незаконными и могли занять престол, только став мужьями старших дочерей фараона и Нефертити.

ти. Эхнатон приказал переделать изображения Кийя и ее имя на лики и имена дочерей от Нефертити.

После пятнадцатого года правления Эхнатона имя Нефертити больше не упоминается. Что же с ней случилось? Некоторые предполагают, что царица попала в опалу и по приказу Эхнатона удалилась в загородный дворец в обществе будущего Тутанхамона, которого она готовила к правлению.

Британский египтолог Николас Ривс считает иначе: исчезновение Нефертити в конце правления Эхнатона можно считать ее продвижением в качестве соправительницы и наследницы фараона под другим именем. Возможно, она и есть тот таинственный фараон Сменхкара, пришедший на смену Эхнатону и бывший предшественником Тутанхамона.

Пожалуй, ближе всего к истине Сирил Олдред: Нефертити скончалась между тринадцатым и четырнадцатым годом правления Эхнатона. В таком случае фараон остался один, лишившись возлюбленной супруги, своей «несравненной царицы». Когда Нефертити умерла, фараон был сломлен.

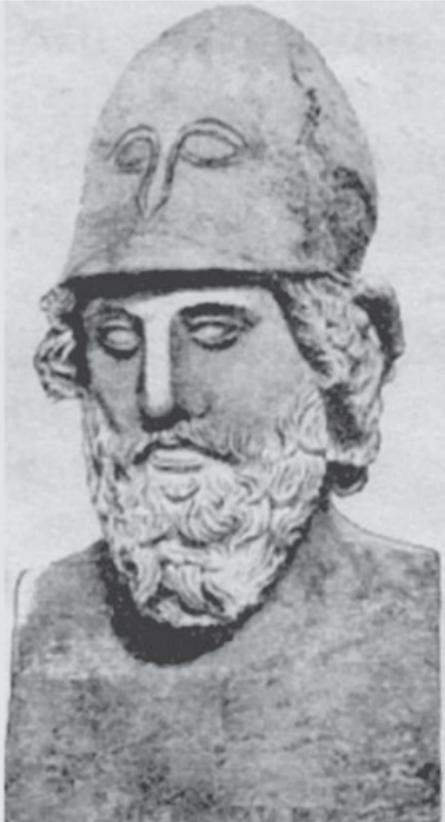
Конец царствования Эхнатона окутан тайной. Последняя известная дата – семнадцатый год его правления. О смерти фараона ничего не известно. Вероятно, он не был погребен в семейной усыпальнице, где была похоронена его вторая дочь.

На смену Эхнатона пришел Сменхкар (по одной из версий – сын Кийя). Он процарствовал всего лишь год. По-

сле его загадочной смерти престол унаследовал двенадцатилетний Тутанхатон, который под влиянием фиванской знати возродил культы традиционных богов и покинул столицу своего отца, изменив имя на «Тутанхамон» – «Живое подобие Амона». Анхесенатон стала супругой юного фараона, превратившись в Анхесенамон – «Живет она для Амона». Страна понемногу забывала бога Атона, поклоняясь Амону-Ра. Столицей вновь стали Фивы. Имена Эхнатона и Нефертити были преданы забвению...

Перикл и Аспасия

Аспасия из Милета – одна из удивительнейших женщин Древней Греции. «Аспасия» в переводе с греческого означает «любимая». В 432 год до Р. Х., когда она была привлечена к суду по обвинению в безнравственности и непочитании богов, только благодаря защите одного из выдающихся вождей Афин – Перикла, ей удалось избежать судебной расправы.

Жила Аспасия во время, которое называют «золотым веком» и еще «веком Перикла». Греция представляла конгломерат городов-государств (полисов), которые то дружили друг с другом, то враждовали, и крупнейший государственный муж Эллады – Перикл много сделал для процветания своей родины – Афин.

Когда Аспасия перебралась в Афины, а ей не было и 25

лет, она накопила достаточно для безбедной жизни. Милетянка становится содер жательницей публичного дома.

К этому времени Перикл – уже знаменитый стратег и весьма популярный политик. Он происходил из аристократического рода по материнской линии – Алкмеонидов. Перикл имел непропорционально длинную голову (чтобы скрыть это, он разрешал изображать себя лишь в шлеме, сдвинутом на затылок). Женился он скорее по обязанности, чем по любви. Двое сыновей подрастили в его внешне вполне благополучной семье.

Перикл любил собирать вокруг себя ученых, литераторов, художников. Выдающийся скульптор Фидий, философ Анаксагор, драматург Софокл, «отец истории» Геродот – близкие друзья Перикла, ощущавшие его внимание и заботу.

Аспасия прекрасно разбиралась в психологии мужчин. Вся афинская знать побывала в ее доме. Появились завсегдатаи, поклонники, обожатели, меценаты. Одним из первых преданных ее дому мужей стал Сократ, который уговорил посетить дом Аспасии Перикла.

Перикл, которому было уже за сорок, увидел женщину своей мечты, женщину, которая счастливым образом соединяла в себе цветущую молодость и красоту с утонченным умом философа. Сама Аспасия не ожидала, что покорит первого человека Афин.

Перикл стал навещать ее каждый день. Он настолько увлекся милетянкой, что в 449 году развелся с женой и в ка-

честве опекуна, по существующей в Греции традиции, вновь выдает ее замуж. Сам же приглашает к себе Аспасию.

Вместе с ней в дом Перикла вошла новая жизнь. Впрочем, домом они занимались мало. У Перикла был верный раб Евангел, который вел хозяйство. Перикл, человек отнюдь не бедный, терпеть не мог роскоши. Аспасии нравился такой порядок, освобождавший ее от хозяйственных хлопот. Для нее положение жены «достойнейшего из эллинов» было прецедентом мечтаний.

Омрачало их жизнь лишь одно препятствие: между Афинами и Милетом не была заключена эпигамия – договор, дававший право гражданам двух городов-государств заключать между собой браки. А поскольку Перикл являлся гражданином Афин, а Аспасия гражданкой Милета, то они не могли узаконить свой брачный союз.

Через пять лет Аспасия родила Периклу сына. Друзья радовались их семейному счастью, и теперь у Перикла часто бывало весело. Аспасия первой в Афинах нарушила традицию, запрещавшую женам участвовать в дружеских пирушках. Она являлась душой и центром увеселений, пользуясь уважением гостей. Более того, она позволяла себе принимать посетителей и в отсутствие мужа, развлекала их беседой, угождала вином. Авторитет Аспасии был столь высок, что некоторые друзья Перикла стали приходить к нему с женами. Ее утонченность, остроумие, глубина познания того или иного предмета приводили в восторг собеседников.

Перикл советовался с Аспасией по всем вопросам, даже государственным. Он рассказывал ей о том, что произошло на Совете. Вместе они находили решения самых запутанных проблем афинской жизни. Постепенно Аспасия сгруппировала в доме избранный круг друзей, которые помогали Периклу искать выходы из сложнейших ситуаций. Платон убежден, что знаменитая речь Перикла, произнесенная им над воинами, павшими в первый год Пелопонесской войны, создавалась не без помощи Аспасии.

В 442 году между Милетом, родным городом Аспасии, и Самосом возник территориальный спор. Войско милетцев было разбито, и тогда они подали жалобу в Афины. Самос тотчас объявил о своей независимости. По совету Аспасии Перикл настоял на военном походе против Самоса. Недоброжелатели тут же заговорили, что Аспасия ввергла Афины в войну, дабы помочь родному Милету. На самом же деле она, как и Перикл, поняла всю опасность выхода целого полиса из-под власти Афин.

Но враги Перикла и Аспасии не дремали. Народное собрание приняло решение о том, что люди, не верящие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, должны привлекаться к суду, как государственные преступники. Это был прямой удар по философию Анаксагора. Не надеясь на благоприятный исход судебного процесса против своего престарелого учителя, Перикл помог ему бежать из Афин в Лампсак. Второй жертвой стал Фидий. Аспасия, будучи еди-

номышленницей обвиняемых, тоже была в известной мере скомпрометирована. Она так же, как и Анаксагор, верила, что солнце – огромный раскаленный камень, который больше Пелопоннеса, и что ветры образуются из разреженного солнцем воздуха. Кроме того, Аспасию обвиняли в сводничестве, в том, что она устраивала Периклу свидания со свободными афинянками в его доме.

Перикл был готов сделать все, чтобы спасти жену, и предложил ей бежать из города. Но Аспасию могли приговорить к смерти заочно, в таком случае она никогда не сможет вернуться в Афины и увидеться с любимым. И она отказалась от побега.

По афинскому закону женщина не имела права выступать в суде. На суд отправился Перикл. Он произнес одну из самых лучших речей в своей жизни. Шестидесятилетний стратег, человек редкой выдержки, всегда невозмутимый и бесстрастный, на этот раз плакал. «Он бы не пролил столько слез, – говорит Эсхил, – если бы речь шла о его собственной жизни». Это настолько потрясло всех, что судьи полностью оправдали Аспасию. Это было в 432 году.

Но враги не успокоились и начали открыто обвинять Перикла в хищениях и финансовых злоупотреблениях во время управления афинским государством. В это время началась Пелопонесская война, длившаяся с некоторыми перерывами почти тридцать лет. Не последнюю роль в ее развязывании сыграла политика Афин, и недруги Перикла злобно

утверждали, что война им затеяна специально, дабы погасли все обвинения против него и Аспасии.

На самом же деле основной причиной Пелопонесской войны был конфликт между Афинами и Коринфом – давними торговыми конкурентами. Но очень уж врагам Перикла хотелось убрать могущественного и влиятельного стратега.

Перикл потерял свою власть над народом, перед которым выступал теперь с речами Клеон, человек ограниченный, за nosчивый и резкий.

На второй год войны вспыхнула страшная эпидемия. Лекари не знали ни источника болезни, ни способов ее лечения. Болезнь не обошла и дом Перикла. Погибли два его сына от первого брака. В живых остался только самый младший, сын Аспасии, носивший имя отца. Но, будучи сыном уроженки Милета, он не имел в Афинах прав гражданства и не считался законным наследником. Тогда Перикл, к тому времени снова завоевавший доверие народа, выступил на собрании с неожиданным предложением: отменить закон, по которому гражданином Афин может быть только тот, у кого и мать и отец родились в этом городе. Предложение не прошло, но из уважения к заслугам Перикла ему позволили внести имя сына Аспасии в списки афинских граждан.

Но недолго радовался этому Перикл – болезнь скосила и его. В 429 году до Р. Х. он умер. В 404 году война закончилась поражением Афин. Их «золотой век», а вместе с ними и Греции катился к закату.

Аспасия овдовела. Прошло, однако, время, и она сошлась с неким торговцем скота Лисиклом, человеком богатым и незаурядным. Аспасия быстро развила в новом муже риторские и логические способности. Лисикл стал заметен, а вскоре и популярен в Афинах. Он был избран афинянами стратегом. Однако в конце того же 428 года пал в бою.

Аспасия стала затворницей. Дом ее опустел, блистательный круг друзей распался навсегда. Многих из них уже не было в живых. Навещал ее только Сократ вместе со своим молодым учеником Ксенофонтом.

В 406 году Перикл-младший в числе других стратегов командовал флотом, разгромившим спартанцев при Аргинусских островах. После победы буря помешала афинянам подобрать раненых и погибших. За это стратегов отдали под суд. Двое из них бежали, шестеро остальных, в том числе и Перикл-младший, предстали перед судом. В тот день, когда решалась судьба юноши, председательствовал Сократ. Видя явную предвзятость суда, он всячески оттягивал его решение, которое было принято лишь на другой день, при другом председателе. Молодой Перикл выпил в тюрьме цикуту.

Так Аспасия пережила своего сына. Это горе подкосило ее окончательно. Наконец она тихо отошла, прожив долгую бурную жизнь, оставив о себе память и славу, как о красивейшей и умнейшей женщине Древней Греции, жрице любви, подарившей немало лет счастья одному из величайших людей Эллады – Периклу. Эти два имени навсегда останутся

в истории связанными между собой.

Октавиан Август и Ливия Друзилла

Император Октавиан Август своими военными успехами, умеренностью и мудростью заставил всех с уважением относиться к его верховной власти. Значительной долей своей славы Божественный Август обязан императрице Ливии, с которой он не только советовался обо всех важных государственных делах, но и, как правило, следовал ее советам. Как полагают, то великодушие, которое он проявил, помиловав заговорщика Цинну, больше способствовало его величию и счастью, чем самые важные из всех одержанных им побед. Общеизвестно, что он принял такое решение после продолжительной беседы с Ливией.

Из всех римских императриц только о Ливии можно сказать, что она с великой честью исполнила свое высокое предназначение, ничем не запятнав императорского достоинства.

Ливия Друзилла была дочерью Ливия Друза Калидана, который попал в проскрипции – списки лиц, объявленных вне закона, – после судебных расследований о деятельности триумвирата, присоединился к партии Брута и Кассия, но после

битвы при Филипах покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки Марка Антония и Августа. Семья Ливии считалась одной из самых знатных в Риме, ибо ее род был древнее самого Рима.

Ливия находилась в расцвете своей красоты, когда на нее обратил внимание Август. Он выказывал ей свою любезность и нежную привязанность.

Ливия скоро стала оказывать ему особые знаки внимания. Она была очень тщеславной женщиной, а полное безразличие к славе супруга Тиберия Нерона никак не могло удовлетворить ее беспокойную натуру.

Цезарь Август, напротив, обладал такими свойствами, перед которыми было трудно устоять любому человеку. Он родился в Риме. Будущий император рано потерял отца, и решающую роль в его жизни сыграло родство с Юлием Цезарем, которому он приходился внучатым племянником. Приехав после гибели Цезаря в Рим, он официально принял усыновление и согласно римским обычаям стал именоваться Гай Юлий Цезарь Октаавиан.

К моменту знакомства с Ливией Октаавиан Август находился в расцвете сил; у него были белокурье, курчавые от природы волосы, классический римский нос, а глаза так ярко сияли, что, как выражался однажды один его воин, приходилось отводить взгляд от него в сторону, чтобы не ослепнуть. Красоту его разума можно было сравнить с красотой тела. Август имел мягкий, дружелюбный характер, он лю-

бил оживленную беседу; был сдержан в речах и постоянен в дружбе.

Ливия всегда ласково внимала Августу, и ее милые чары еще сильнее высвечивали странный и мрачный характер его жены Скрибонии, которая становилась для него все более невыносимой из-за ее надуманных страстей и ревности, а также дурного нрава. Он отстранил Скрибонию от себя в тот день, когда она произвела на свет дочку Юлию, и, прибегнув к власти, заставил Тиберия Нерона уступить ему свою жену.

В 38 году до Р. Х. 19-летняя Ливия стала третьей женой Октаавиана. Он заставил Тиберия Нерона не только согласиться с этим, но еще и принудил его лично передать свою бывшую супругу ему, словно он ей родной отец. Свадьбу сыграли с большой помпой, и на ней среди первых приглашенных был, конечно, Тиберий.

После свадебного пира Август увез Ливию к себе во дворец.

Через три месяца она подарила ему сына, которого назвали Клавдием Друзом Нероном. Август сразу же отоспал младенца Тиберию Нерону. Но все эти предосторожности не рассеяли подозрений публики, ибо все считали, что новорожденный Друз – сын Августа. К тому же широкое хождение получила обидная для него шутка: «Как же везет счастливым, процветающим людям! Они могут производить на свет детей всего за три месяца!»

Когда Цезарь Август сделался неограниченным властите-

лем Римского государства, в его честь были построены великолепные храмы. Во славу императора устраивались пышные празднества и спортивные состязания.

Не была забыта и его супруга Ливия. В ее честь был построен город, названный Ливиадой. Сенаторы присуждали ей самые звонкие титулы, и среди всех прочих высший – Августа и «Мать отечества».

Август не отставал от других, стремясь доказать всем окружающим, что он глубоко уважает и любит Ливию. Он стремился выполнить любое желание Ливии, только чтобы доставить ей удовольствие. Власть императрицы была никак не менее абсолютной, чем его собственная.

Ливия была энергична, хитра и очень активно вмешивалась в государственные дела, хотя умела сохранять при этом внешность добродетельной матроны, всецело поглощенной заботами о своей семье. Ливия с выгодой для себя пользовалась слабостями императора и в конце концов приобрела над ним неограниченную власть.

Властолюбие было главной чертой характера Ливии, также, как и Октаавиана. Равны они были друг другу и в лицемерии, и в хитрости. Такое сходство характеров обеспечило непоколебимую прочность их союза.

Ливия мечтала, чтобы и ее потомки достигли столь же высокого общественного положения. Она добилась самых важных и самых влиятельных постов в империи для своих сыновей от первого брака – Тиберия и Друса. Император по-

ставил их во главе легионов, а потом и всей армии, хотя их деятельность на государственной службе нельзя назвать выдающейся.

Историк Тацит назвал Ливию «матерью, опасной для государства, и злой мачехой для семьи Цезарей».

Молва подозревала, что не без участия Ливии скончались в юном возрасте усыновленные Октавианом племянник Марцелл и внуки Гай Цезарь и Луций Цезарь.

Ливия добилась того, что Август усыновил ее старшего сына Тиберия, который остался единственным наследником верховной власти.

Август скончался в Ноле, в той же спальне, где когда-то умер его отец Октавиан. Спросив у прощавшихся с ним у смертного одра друзей, как, по их мнению, он сыграл эту комедию жизни, с последними словами он обратился к жене: «Ливия, помни о прожитых вместе годах! Живи дальше и прощай!» После этого император испустил дух у нее на руках.

В Риме Ливия устроила Августу роскошные похороны.

Императрица даже пожелала стать жрицей Августа. По завещанию он оставил Ливии треть всех своих богатств, а также принял ее в лоно семьи Юлиев, в результате чего она взяла себе новое имя – Юлия. Таким образом Ливия одновременно была вдовой, дочерью и жрицей Августа.

Ливия, сделав Тиберия принцепсом, могла торжествовать победу. Однако ее властолюбивая натура столкнулась с непо-

датливым характером родного сына.

«Тиберию стала в тягость его мать Ливия: казалось, что она притязает на равную с ним власть, – пишет Тацит. – Он начал избегать частых свиданий с нею и долгих бесед наедине, чтобы не подумали, будто он руководствуется ее советами».

Ливия жила в Риме, сохраняя свое могущество, и Тиберию приходилось с нею считаться. В 27 году он навсегда уехал из Рима и стал жить на острове Капри.

В провинциях Ливия при жизни почиталась как богиня. Ливия умерла в 29 году, благополучно дожив до 86-ти лет. Тацит пишет: «Тиберий, ни в чем не нарушив приятности своего уединения и не прибыв в Рим отдать последний долг матери, в письме к сенату сослался на свою занятость делами и урезал как бы из скромности щедро определенные сенаторами в память Ливии почести, сохранив лишь немногие и добавив, чтобы ее не обожествляли, ибо так хотела она сама.

Вслед за тем наступила пора безграничного и беспощадного самовластия, ибо при жизни Ливии в ее лице все же существовала какая-то защита для преследуемых, так как Тиберий издавна привык оказывать послушание матери».

Ливия была официально обожествлена своим внуком императором Клавдием I.

Юстиниан I и Феодора

Флавий Петр Савватий Юстиниан родился около 482 года в глухой деревушке Таурисий (Верхняя Македония) в семье бедного иллирийского крестьянина. Его бездетный дядя Юстин, став императором, тотчас вызвал племянника в столицу и дал ему блестящее образование. Юстиниан, благодаря своему уму и энергии, приобрел огромное влияние на дядю и стал активно вмешиваться в государственные дела. В

апреле 527 года, чувствуя приближение смерти, Юстин усыновил Юстиниана и сделал его своим соправителем. Вскоре император умер, и 45-летний Юстиниан стал неограниченным правителем византийского государства.

На дипломатию Юстиниана оказывала большое влияние его супруга Феодора. Она писала царю Персии Хосрову: «Император ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной». Иноземные посольства направлялись не только к Юстиниану, но и к Феодоре, а иногда раньше к ней, чем к императору.

С Феодорой Юстиниан познакомился в начале 520-х годов. Ему было уже под сорок, бывшей цирковой актрисе – чуть больше двадцати. Из весьма пристрастной «Тайной истории» Прокопия известно, что Феодора была низкого происхождения, ее отец Акакий работал смотрителем зверинца. Прокопий отмечает, что Феодора «была красива лицом и в общем изящна, но невысокого роста; кожа ее была не совсем белой, а скорее матового оттенка; ее взгляд был ясный, проникновенный и быстрый».

Юстиниансыпал Феодору подарками и драгоценностями. Он добился от Юстина самой великой почести для возлюбленной: вчерашняя актриса была возведена в достоинство патриции. После этого Юстиниан просил разрешения у императора жениться на дочери смотрителя зверинца, ибо только с ней он испытал минуты настоящего счастья. Юстин к увлечению наследника Феодорой отнесся одобрительно,

справедливо считая, что мудрая и искушенная жена принесет племяннику больше пользы, нежели коронованная особа из чужеземных земель. Однако против этого брака неожиданно выступила императрица Евфимия. Она была хорошо осведомлена о прошлом Феодоры. Как ни просили ее муж и Юстиниан, Евфимия оставалась непреклонна.

Только после ее смерти Юстин разрешил племяннику жениться на Феодоре. Произошло это событие в 524 году. Правда, для этого пришлось издать закон, разрешавший лицам сенаторского сословия заключать брак с актрисами.

У Юстиниана и Феодоры, вероятно, сразу наметилась необходимая линия «существования», сферы, в которых каждый из них был самостоятелен в своих решениях, симпатиях и антипатиях. В каких-то случаях можно говорить и о независимой политике Феодоры. Но в то же время императрица знала, какие дела Юстиниан будет решать только сам — упорство и последовательность характера супруга были ей хорошо известны. Между ними редко возникали конфликты, а если и возникали, то не очень значительные.

Супругов сплачивала и общая неприязнь к ним старой аристократии. В 532 году произошло восстание Ника, направленное против правительства Юстиниана. Во главе его оказались находившиеся в городе сенаторы. Доведенный до отчаяния император решил бежать из столицы. По его приказу были приготвлены корабли, на которые погрузили царскую казну и богатства императорского дворца. И здесь

необычайную энергию и решимость проявила Феодора. Появившись на заседании императорского совета, она обвинила своего царственного супруга и его приближенных в позорной трусости. В конце своего гневного выступления она заявила, что предпочитает смерть потере власти, ибо «царская порфира – прекрасный саван». Феодора требовала, чтобы Юстиниан отказался от бегства и немедленно отдал приказ уничтожить мятежников.

Восстание было жестоко подавлено. Коронованный народом Ипатий и его брат Помпей были казнены, а 18 сенаторов, сопричастные к восстанию, отправлены в ссылку (правда, вскоре были оттуда возвращены).

Одержав триумфальную победу, Феодора почувствовала силу. Она обратила свое внимание на жизнь двора, его этикет, привычки и ритуальные обряды, решив изменить их по своему усмотрению. Юстиниан теперь прислушивался ко всему, что предлагала императрица, и охотно исполнял ее желания. Многие историки обращают внимание на тот факт, что в законодательстве Юстиниана есть много нового, необъяснимого с точки зрения римского права. Новые идеи относятся прежде всего к области семейных отношений и прав женщины в семье и вне ее. Покровительство павшим женщинам, заботы об имущественных и личных правах замужней женщины с большою вероятностью объясняются личным влиянием императрицы на законодательство.

Феодора вела и свою церковную политику: когда в Сирии

начались ужасающие преследования монофиситов, сторонников христианского учения, она открыла для них в столице странноприимницу и призывала Юстиниана посещать ее. В «Житиях святых» монофиситской Церкви не раз упоминается, что гонимые монахи находили в Феодоре свою заступницу против немилости византийского царя. Если бы она не скончалась так рано, то империя не испытала бы многих несчастий, и, может быть, было бы менее поводов чернить Юстиниана.

Императрица жила в свое удовольствие, пока болезнь не приковала ее к постели. Она умирала в страшных муках, крики ее по ночам наводили страх на обитателей дворца, а муж беспрестанно молился и просил отпустить ему грехи, точно опасаясь, что всевидящий Бог покарает такой же болезнью и его.

29 июня 548 года, прожив всего сорок восемь лет, Феодора умерла от рака. Историки пишут, что ее супруг был безутешен. Впрочем, ему давно уже перевалило за шестьдесят, и он сам готовился к путешествию в мир иной. Однако Юстиниан прожил еще долго. К концу своей жизни он увлекся теологией и почти не занимался делами государства, предпочитая проводить время во дворце в спорах с иерархами церкви или даже простыми монахами. Давая народу торжественные клятвы, он по-прежнему клялся именем Феодоры. Так продолжалось до дня его смерти – в ночь с 14 на 15 ноября 565 года. Император умер в возрасте 83 лет.

Князь Игорь и Княгиня Ольга

Имя великой княгини Ольги упоминается всякий раз, когда речь заходит о выдающихся женщинах Древней Руси. Ее мужем был князь Игорь. Сменивший Олега на киевском княжеском престоле Игорь подобно его предшественнику изображен в древнерусских летописях во многом как легендарная личность. Вещий Олег приходился родственником и опекуном молодому князю.

Легенда XVI века передает сказание о том, как однажды киевский князь Игорь охотился в лесах у Пскова. Здесь он встретил на своем пути реку и увидел стоявший у берега челн. Перевозчиком оказалась девушка Ольга. Игорь попросил перевезти его, он был поражен ее умом. Когда же он, «некие глаголы претворяще к ней», получил отпор на свои «стыдные словеса», девушка отказалась Игорю столь искусно, взвав к его княжеской чести, что Игорь не только не обиделся, но, согласно легенде, тут же посватался к ней.

Биография Ольги в большей ее части загадочна. Даже само появление ее на исторической сцене различные летописи датируют по-разному. В «Повести временных лет» под 903 годом читаем: «Игорь вырос и собирая дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу». А в Новгородской первой летописи младшего извода в недатированной части, но непосредственно перед статьей 920 года, сказано, что Игорь «привел себе жену из Плескова, по имени Ольгу, была она мудрой и смышленой, от нее родился сын Святослав».

Русская православная церковь причислила Ольгу к лику святых, богословы создали ее Краткое и Пространное житие. Житие считает Ольгу уроженкой псковского села Выбуто, дочерью незнаных родителей. Напротив, известная в пересказе В. Н. Татищева поздняя Иоакимовская летопись выводит Ольгу от новгородского князя, или посадника – легендарного Гостомысла. Вряд ли можно сомневаться в том,

что она была из знатной семьи, а не крестьянской девушкой.

Девушка пленила Игоря красотой, благонравием и скромностью. Любовь к юной Ольге ослепила Игоря, который, не раздумывая, пожелал взять ее в жены, предпочтя другим, более родовитым невестам.

О времени, месте рождения и происхождении самого Игоря нам ничего с достоверностью не известно. Рождение в Новгороде на Волхове около 879 года вызывает сомнение, поскольку в момент похода Игоря на Константинополь, в 941 году, ему должно было быть от 20 до 25 лет.

Поход Игоря на Константинополь в 941 году отмечен «Повестью временных лет» и упоминается в византийских историографических сочинениях. Но вызывает сомнение сорокалетнее (!) бесплодие Ольги. Весьма сомнительно, что Игорь женился на Ольге в 903 году и в течение 39 лет не имел детей, как и тому, что он взял ее в преклонные годы не первым для себя браком. Скорее всего, к моменту рождения Святослава оба они, Ольга и Игорь, были молоды и полны сил.

Кончина Олега побудила древлянские племена к восстанию. Нестор следующим образом описывает вступление Игоря на киевский княжеский престол: «После смерти Олега стал княжить Игорь... И затворились от Игоря древляне по смерти Олега». В следующем году, по свидетельству Нестора, «пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше прежней».

Жаждавшие захватить власть в Киеве древляне замыслили убить Игоря и ждали удобного случая, чтобы расправиться с ним.

Но прежде чем столкнуться в смертельной схватке с воюдями племенного союза древлян, князь Игорь предпринял под 941 год поход на Константинополь.

Ольга обладала даром предвидения – она чувствовала опасность, грозившую мужу, и изо всех сил старалась уберечь его от беды. Пророческий сон приснился ей, когда князь Игорь собирался в поход на Константинополь. Ольге привиделись сожженные ладьи, мертвые воины, черные вороны, кружившие над полем брани... Поражение дружины Игоря представлялось неизбежным.

Встревоженная Ольга пыталась остановить мужа, рассказав о дурных знаках, которые видела во сне, но он не сомневался в скорой победе.

Пророчество княгини сбылось, и войско было разбито. Впоследствии князь Игорь всегда прислушивался к словам Ольги, не раз предсказывавшей ему победу или поражение в ратных делах, следовал ее мудрым советам.

Супруги жили счастливо. Вернувшись из похода на Константинополь, князь Игорь стал отцом: родился сын Святослав.

В 944 году князь организовал новый поход на Византию. На этот раз дело кончилось подписанием мирного договора.

Летопись Нестора под 945 годом повествует: «И пришла

осень, и стал он [Игорь] замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. В тот год сказала дружина Игорю: “Отроки Свенель да изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь, и мы”. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, [то] поразмыслив, сказал своей дружине: “Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще”. И отпустил дружины свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что [Игорь] идет снова, держали совет с князем своим Малом: “Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убъем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искорostenя против Игоря, убили Игоря и дружины его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искорostenя, в Деревской земле, и до сего времени».

Настоящее погребение зверски убитого Игоря, по працедовским обычаям языческой веры, не состоялось. Между тем в соответствии с народными поверьями покойник, которого не похоронили согласно обычая, блуждал среди людей и тревожил их.

Следуя языческим традициям, княгиня Ольга надеялась,

что безжалостная месть за смерть мужа исцелит ее душу от страданий. Она поклонялась умершему супругу, который, по древним славянским верованиям, и в загробной жизни продолжал следить за своим родом и оказывать ему покровительство.

В годы замужества Ольга обрела ту самую «мудрость», которая позволила ей выдвинуться после смерти князя Игоря в правительницы Русского государства.

Минуло полгода после смерти Игоря, как вдруг весной следующего, 945 года верхушка древлянского союза племен решила восстановить дружеские отношения с Киевом и направила послов к Ольге с предложением выйти замуж за древлянского князя Мала.

Ольга ответила послам, что они могут привести сватов в ладьях к ее терему (передвижение посуху в ладьях имело у восточных славян двойной смысл: и оказание почести, и обряд похорон). Наутро доверчивые древляне последовали ее совету, а Ольга приказала их сбросить в яму и живыми закопать. Памятуя о мучительной смерти казненного древлянами мужа, княгиня коварно поинтересовалась у обреченных: «Добра ли вам честь?» Послы ей будто бы ответили: «Пуще Игоревы смерти» (греческий историк Лев Дьякон сообщал, что «Игорь привязан был к двум деревам и разорван на две части»).

Второе посольство «мужей нарочитых» было сожжено, а вдова отправилась на землю древлян якобы для того, чтобы

«створить трезну мужу своему». Когда войска встретились, юный Святослав, сын Ольги и Игоря, начал битву, метнув копье в неприятеля. Пущенное детской рукой, оно не долетело до вражеских рядов. Однако опытные полководцы ободрили своих воинов примером юного князя. Здесь ее «отроки» напали на «упившихся» после тризны древлян и перебили их множество – «иссекоша их 5000», как утверждает летопись.

Овладев Искоростенем, Ольга «сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, заставила платить дань... И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И существуют места ее стоянок и охот до сих пор».

Но княгиня на этом не успокоилась. Через год, продолжает свой рассказ Нестор, «отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге – оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле и свидетельства о ней, и места ее, и погосты...»

Сказание о мести Ольги отчасти, вероятно, легенда. Обман, жестокость, коварство и другие действия княгини, мстящей за убийство мужа, прославляются летописцем как высший, справедливый суд.

Месть за гибель мужа не избавила Ольгу от душевных мук, а скорее добавила новые терзания. Покой и исцеление обрела она в христианстве, смирившись со своей участью и отказавшись от желания уничтожить всех врагов.

Отказалась Ольга и от брачного союза с византийским им-

ператором Константином Багрянородным, храня верность памяти мужа.

В 964 году Ольга уступила престол совершеннолетнему сыну. Но «възрастьший и възмужавший» Святослав длительное время находился в походах, и во главе государства по-прежнему оставалась его мать. Так, во время печенежского нашествия на Киев в 968 году Ольга возглавила оборону города. Предание нарекло княгиню хитрой, церковь – святой, а история – мудрой.

Судя по летописи, Святослав испытывал к матери почтительное уважение до самой ее смерти. Когда она стала совсем больной, по ее просьбе он вернулся из похода и был с матерью до ее последнего часа.

Накануне своей кончины – все летописи датируют ее 969 годом – «Ольга завещала не совершать по ней тризны (составной части языческого обряда похорон), так как имела при себе священника втайне».

Многое из того, что задумала, но не смогла осуществить Ольга, было продолжено ее внуком, Владимиром Святославичем.

По-видимому, язычник Святослав запретил публичное отправление христианского культа (молебны, водосвятия, крестные ходы), выдвинул на первое место «норовы поганьские», то есть языческие.

Пьер Абеляр и Элоиза Фульбер

Пьер Абеляр хорошо известен философам. Родился он в 1079 году в местечке Ле-Палле в Бретани в аристократической семье и всю свою жизнь провел, переходя из одних школ и монастырей в другие, поэтому и был прозван «Палатинским перипатетиком». Он встретил свою роковую любовь в зрелом возрасте, в сорок лет, когда возглавлял монастырскую школу при соборе Парижской богоматери.

Элоиза родилась в 1101 году. В монастыре она изучала латынь и произведения античных классиков. Потомкам ни-

чего не известно о ее родителях, воспитывал девочку дядя парижский каноник Фульбер.

Абеляр обратился к Фульбуру с просьбой позволить ему за умеренную плату жить в его доме, добавив при этом, что хотел бы заняться воспитанием племянницы каноника. Абеляр признавался: «В то время я был так знаменит и привлекателен, что не боялся сказать женщине, которую я находил достойной своей любви. Кроме того, я полагал, что юная девица сдастся тем более охотно, поскольку она была образованна и любила учение».

Страсть захватила обоих. «Под предлогом учения, – вспоминал Абеляр, – мы всецело предавались любви... Руки чаще тянулись к телу, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным... [...] Даже когда мы пребывали в разлуке, мы могли общаться через письма, сообщать друг другу то, что трудно отважиться произнести вслух, и, таким образом, наши восхитительные отношения не прерывались ни на минуту».

Однако любовникам не удается сохранить свои отношения в тайне. Фульбер приходит в ярость. Он тут же вывораживает Абеляра из своего дома. Вскоре Элоиза поняла, что беременна, и бежит с любовником. Они укрылись в доме его сестры, в Бретани. Здесь Элоиза родила сына Астролябия. Чтобы утихомирить Фульбера, Абеляр готов жениться на Элоизе. Для него это самый опасный путь: брак закрывал перед духовным лицом карьеру. Абеляр договаривается

с Фульбером, что брак будет тайным.

Элоиза возражала против этого брака – не только потому, что он помешал бы академической карьере Абеляра, но и потому, что она, поверив Теофрасту, Сенеке, Цицерону и св. Иерониму, была искренне убеждена, что занятия философией несовместимы с браком.

«Она решительно отказывалась от этого брака, заявляя, что он явится для меня во всех отношениях постыдным и тягостным. Она подчеркивала и мое бесславие после этого брака, и те трудности брачной жизни, которых апостол убеждает нас избегать... Если же, говорила она мне, я не послушаюсь ни совета апостола, ни указаний святых относительно тяжестей брачного ига, то я должен, по крайней мере, обратиться за советом к философам и внимательно изучить то, что написано о браке ими самими...»

Несколько лет спустя Элоиза писала Абеляру: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого; я желала иметь только тебя, а не то, что принадлежит тебе. Я не стремилась ни к брачному союзу, ни к получению подарков и старалась, как и ты сам знаешь, о доставлении наслаждений не себе, а тебе, и об исполнении не своих, а твоих желаний. И хотя наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой или, если ты не оскорбишься, – твоей сожительницей или любовницей».

Абеляр проявил настойчивость. Оставив ребенка в Бре-

тани, они с Элоизой тайно приезжают в Париж и так же тайно венчаются. Но в глазах людей супруги остаются любовниками. Родственники Элоизы недовольны тем, что брак заключен тайно, полагая, что это в большей степени спасало карьеру Абеляра, чем репутацию Элоизы.

Абеляр, желая оградить жену от постоянных упреков и оскорблений со стороны членов ее семьи, отослал Элоизу в Аржантей, где в монастыре бенедиктинок она приняла монашеское одеяние (но еще не пострижение).

Фульбер не знал, что постриг племянницы был фиктивным. Защищая родовую честь и следуя решению семейного совета, он нанял людей, которые пробрались ночью в жилище Абеляра и оскопили его. Вот что пишет философ в своей книге: «Однажды ночью, когда я спал в своей опочивальне, один из моих слуг, подкупленный золотом, поспособствовал их мести, которая привела в изумление весь мир! Они отрезали ту часть моего тела, при помощи которой я нанес оскорбление, вызывавшее их гнев. Затем они скрылись...»

Опозоренный Абеляр укрылся в аббатстве Сен-Дени. Элоиза постриглась в монахини. Десять лет они прожили в молчаливой разлуке.

Абеляру пришлось бежать из Сен-Дени, он нашел убежище в небольшом монастыре в Шампани. Затем он поселился отшельником в лесах близ Труа, где устроил часовню, посвященную Параклете. В 1125 году Абеляр неожиданно получил приглашение стать настоятелем аббатства Сен-Жильда

де Руи в Бретани.

Когда монастырь в Аржантее оказался под угрозой закрытия, Абеляр предложил Элоизе и другим монахиням поселиться в Параклете.

В эти годы Абеляр начал работать над автобиографией «История моих бедствий». Набросок этого жизнеописания попал к Элоизе. Она не выдержала – и тоже взялась за перо, чтобы обратиться к Абеляру с любовным посланием.

Письма, составившие знаменитую переписку Абеляра и Элоизы, относятся к периоду после 1130 года, когда Элоиза была настоятельницей женского монастыря в Параклете.

Теперь, по прошествии многих лет, Пьер Абеляр видел в своей подруге «скорее сестру во Христе», чем жену. Его письма, во многом напоминающие письма св. Иеронима к благочестивым женщинам, духовным наставником которых он был, – св. Юлии, Евстохии, Марцелле, Азелле и Павле, – свидетельствуют о стремлении Абеляра к святости.

Иначе ведет себя Элоиза. Она полна прежней страсти: «Даже во время торжественного богослужения, когда молитва должна быть особенно чистою, грешные видения этих наслаждений до такой степени овладевают моей несчастнейшей душой, что я более предаюсь этим гнусностям, чем молитве. И вместо того, чтобы сокрушаться о содеянном, я чаще вздыхаю о несовершившемся».

Абеляр был напуган исповедью Элоизы, осознав, что она с прежней страстью любит его. В назидательном ответе он

объяснил своей «сестре», что варварское оскопление теперь представляется ему «актом божественного милосердия», поскольку позволило ему целиком посвятить себя Богу, освобождая от плотского вожделения, которое есть бремя, наваждение, грех. Абеляр все чаще и чаще задумывается о спасении души – своей и, конечно же, Элоизы.

В одном из своих последних писем Элоиза сообщала: «В моих покоях висит ваше изображение. Всякий раз, когда я прохожу мимо, я останавливаюсь и смотрю на него. [...] Я больше не стыжусь того, что моя любовь к вам беспредельна... Я ненавидела себя за свою любовь, я до сих пор уничижаю себя вечным заточением, чтобы сделать вашу жизнь спокойной и легкой. О! Думайте обо мне, не забывайте меня – мою любовь; мою преданность, мою верность; любите меня как свою возлюбленную, утешайте меня как свое дитя, как сестру, как жену. Поймите, я все еще люблю вас, хотя и стараюсь избавиться от этой любви».

В 1136 году Абеляр снова преподает в Париже. После того как на Сансском соборе ряд его тезисов был осужден, Абеляр нашел приют в аббатстве Клюн. В течение двух лет он обучал молодых монахов. Умер Абеляр в возрасте шестидесяти трех лет в обители Сен-Марселя близ Шалона 11 апреля 1142 года. Первоначально Абеляр был погребен в Сен-Марселе, однако позже его останки были перенесены в Парацлет. Элоиза последовала за ним спустя двадцать лет. О ее смерти старая латинская хроника рассказывает так: «Когда

умерла она и была принесена к гробнице, ее супруг, который скончался за много дней до нее, поднявши руки, принял ее и заключил в свои объятия». В настоящее время останки Абелляра и Элоизы покоятся под общим надгробием на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Иван III и Софья Палеолог

Внезапная кончина первой жены Ивана III, княгини Марии Борисовны, 22 апреля 1467 года заставила великого князя Московского задуматься о новой женитьбе. Овдовевший великий князь остановил свой выбор на жившей в Риме и

слывшей католичкой греческой принцессе Софье Палеолог. Одни историки полагают, что замысел «римско-византийского» брачного союза родился в Риме, другие отдают предпочтение Москве, третьи – Вильно или Кракову.

Софья (в Риме ее называли Зоей) Палеолог была дочерью морейского деспота Фомы Палеолога и приходилась племянницей императорам Константину XI и Иоанну VIII. Деспина Зоя провела детство в Морее и на острове Корфу. В Рим она приехала вместе с братьями Андреем и Мануилом после смерти отца в мае 1465 года. Палеологи поступили под покровительство кардинала Виссариона, который сохранил симпатии к грекам. Константинопольский патриарх и кардинал Виссарион пытался возобновить унию с Русью с помощью бракосочетания.

Прибывший в Москву из Италии 11 февраля 1469 года Юрий Грек привез Ивану III некий «лист». В этом послании, автором которого, по-видимому, был сам папа Павел II, а со-автором – кардинал Виссарион, великому князю сообщалось о пребывании в Риме преданной православию знатной невесты – Софии Палеолог. Папа обещал Ивану свою поддержку в случае, если тот захочет посвататься к ней.

В Москве не любили торопиться в важных делах и над новыми вестями из Рима размышляли месяца четыре. Наконец, все размышления, сомнения и приготовления остались позади. 16 января 1472 года московские послы отправились в далекий путь.

В Риме москвичи были с честью приняты новым папой Сикстом IV. В подарок от Ивана III послы преподнесли понтифику шестьдесят отборных соболиных шкурок. Отныне дело быстро пошло к завершению. Через неделю Сикст IV в соборе святого Петра совершают торжественную церемонию заочного обручения Софьи с московским государем.

В конце июня 1472 года невеста в сопровождении московских послов, папского легата и многочисленной свиты отправилась в Москву. На прощанье папа дал ей продолжительную аудиенцию и свое благословение. Он распорядился повсюду устраивать Софье и ее свите пышные многолюдные встречи.

Софья Палеолог прибыла в Москву 12 ноября 1472 года, и тут же состоялось ее венчание с Иваном III. В чем причина спешки? Оказывается, на следующий день праздновалась память святого Иоанна Златоуста – небесного покровителя московского государя. Отныне и семейное счастье князя Ивана отдавалось под покровительство великого святителя.

Софья стала полноправной великой княгиней Московской.

Сам факт, что Софья согласилась поехать искать счастья из Рима в далекую Москву, говорит о том, что она была смелая, энергичная и склонная к авантюрам женщина. В Москве ее ожидали не только почести, оказываемые великой княгине, но также враждебность местного духовенства и наследника престола. На каждом шагу ей приходилось отстаивать

свои права.

Иван, при всей своей любви к роскоши, был бережлив до скупости. Он экономил буквально на всем. Выросшая в совершенно другой обстановке, Софья Палеолог, напротив, стремилась блистать и проявлять щедрость. Этого требовало ее честолюбие византийской принцессы, племянницы последнего императора. К тому же щедрость позволяла приобрести друзей среди московской знати.

Но лучшим способом утвердить себя было, конечно, деторождение. Великий князь хотел иметь сыновей. Желала этого и сама Софья. Однако, на радость недоброжелателям, она родила подряд трех дочерей – Елену (1474), Феодосию (1475) и опять Елену (1476). Софья молила Бога и всех святых о даровании сына.

Наконец ее прошение было исполнено. В ночь с 25 на 26 марта 1479 года на свет появился мальчик, нареченный в честь деда Василием. (Для матери он всегда оставался Гавриилом – в честь архангела Гавриила.) Счастливые родители связали рождение сына с прошлогодним богоомольем и усердной молитвой у гроба преподобного Сергия Радонежского в Троицком монастыре. Софья рассказывала, что при подходе к монастырю ей явился сам великий старец, держащий на руках мальчика.

Вслед за Василием у нее родились еще два сына (Юрий и Дмитрий), затем две дочери (Елена и Феодосия), потом еще три сына (Семен, Андрей и Борис) и последней, в 1492 го-

ду, – дочь Евдокия.

Но теперь неизбежно возникал вопрос о будущей участии Василия и его братьев. Наследником престола оставался сын Ивана III и Марии Борисовны Иван Молодой, у которого 10 октября 1483 года в браке с Еленой Волошанкой родился сын Дмитрий. В случае кончины Державного он не замедлил бы тем или иным способом избавиться от Софьи и ее семейства. Лучшее, на что они могли надеяться, – ссылка или изгнание. При мысли об этом гречанку охватывали ярость и бессильное отчаяние.

Зимой 1490 года в Москву приехал из Рима родной брат Софьи, Андрей Палеолог. Вместе с ним вернулись московские послы, ездившие в Италию. Они привезли в Кремль множество всякого рода умельцев. Один из них, приезжий лекарь Леон, вызвался исцелить князя Ивана Молодого от болезни ног. Но когда он ставил княжичу банки и давал свои микстуры (от которых тот едва ли мог умереть), некий злумышленник добавил в эти микстуры отправу. 7 марта 1490 года 32-летний Иван Молодой скончался.

Вся эта история породила множество слухов в Москве и по всей Руси. Общеизвестны были неприязненные отношения между Иваном Молодым и Софьей Палеолог. Гречанка не пользовалась любовью москвичей. Вполне понятно, что молва приписала ей и убийство Ивана Молодого. В «Истории о великом князе Московском» князь Курбский прямо обвинял Ивана III в отравлении собственного сына Ивана

Молодого. Да, такой поворот событий открывал путь к престолу детям Софьи. Сам Державный попал в крайне сложное положение. Вероятно, в этой интриге Иван III, приказавший сыну воспользоваться услугами тщеславного лекаря, оказался лишь слепым орудием в руках хитроумной гречанки.

После гибели Ивана Молодого обострился вопрос о наследнике престола. Было два кандидата: сын Ивана Молодого – Дмитрий и старший сын Ивана III и Софьи Палеолог – Василий. Притязания Дмитрия-внука подкреплялись тем, что его отец был официально провозглашенным великим князем – соправителем Ивана III и наследником престола.

Державный оказался перед мучительным выбором: отправить в темницу либо жену и сына, либо сноху и внука... Убийство соперника во все времена было обычной ценой верховной власти.

Осенью 1497 года Иван III склонился на сторону Дмитрия. Он распорядился подготовить для внука торжественное «венчание на царство». Узнав об этом, сторонники Софьи и княжича Василия составили заговор, который предусматривал убийство Дмитрия, а также бегство Василия на Белоозеро (откуда перед ним открывалась дорога в Новгород), захват хранившейся в Вологде и на Белоозере велиокняжеской казны. Однако уже в декабре Иван арестовал всех заговорщиков, в том числе и Василия.

В ходе расследования выяснилась причастность к загово-

ру Софьи Палеолог. Не исключено, что именно она была организатором предприятия. Софья добыла яд и ждала подходящего случая, чтобы отравить Дмитрия.

В воскресенье 4 февраля 1498 года 14-летний Дмитрий был торжественно объявлен наследником престола в Успенском соборе московского Кремля. Софья Палеолог и ее сын Василий на этой коронации отсутствовали. Казалось, их дело окончательно проиграно. Придворные бросились угождать Елене Стефановне и ее коронованному сыну. Однако вскоре толпа льстецов отступила в недоумении. Державный так и не дал Дмитрию реальной власти, предоставив ему в управление лишь некоторые северные уезды.

Иван III продолжал мучительно искать выхода из династического тупика. Теперь ему первоначальный замысел не казался удачным. Державному стало жалко своих юных сыновей Василия, Юрия, Дмитрия Жилку, Семена, Андрея... Да и с княгиней Софьей он прожил вместе четверть века... Иван III понимал, что рано или поздно сыновья Софьи поднимут мятеж. Предотвратить выступление можно было только двумя способами: либо уничтожить вторую семью, либо завещать престол Василию и уничтожить семью Ивана Молодого.

Державный на этот раз избрал второй путь. 21 марта 1499 года он «пожаловал... сына своего князя Василь Ивановичя, нарекл его государем великим князем, дал ему Великыи Новъгород и Пъсков в великое княженье». В итоге на Руси по-

явились сразу три великих князя: отец, сын и внук!

В четверг 13 февраля 1500 года в Москве сыграли пышную свадьбу. Иван III выдал свою 14-летнюю дочь Феодосию замуж за князя Василия Даниловича Холмского – сына знаменитого полководца и предводителя тверского «землячества» в Москве. Этот брак способствовал сближению между детьми Софии Палеолог и верхушкой московской знати. К сожалению, ровно через год Феодосия умерла.

Развязка семейной драмы наступила лишь через два года. «Тое же весны (1502 года) князь велики апреля 11 в понедельник положил опалу на внука своего великого князя Дмитрия и на его матерь на великую княгиню Елену, и от того дни не велел их поминати в ектеньях и литиах, ни нарицати великым князем, и посади их за приставы». Через три дня Иван III «пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Володимерское и Московское и всеа Руси самодержьцем, по благословению Симона, митрополита всеа Руси».

Ровно через год после этих событий, 7 апреля 1503 года, Софья Палеолог умерла. Тело великой княгини было погребено в соборе кремлевского Вознесенского монастыря. Ее похоронили рядом с могилой первой жены царя – тверской княгини Марии Борисовны.

Вскоре ухудшилось здоровье и самого Ивана III. В четверг 21 сентября 1503 года он вместе с наследником престола Василием и младшими сыновьями отправился на богомо-

лье по северным монастырям. Однако святые угодники уже не склонны были помогать кающемуся государю. По возвращении с богомолья Ивана разбил паралич: «...отняло у него руку и ногу и глаз».

Иван III скончался 27 октября 1505 года. В «Истории» В. Н. Татищева есть такие строки: «Сий блаженный и достохвальный великий князь Иоан Великий, Тимофей прежде нареченный, многии княжения к великому князю присовокупи и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже и всю Русскую землю данничества и пленения избави, и многи от Орды данники себе учини, многа ремесла введе, их же прежде не знахом, со многими дальними государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Русскую землю прослави; во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его великая княгиня София; и да будет им вечная память во бесконечные веки».

Сулейман I и Роксолана

Во время правления султана Сулеймана I – с 1520 по 1566 год – Османская империя достигла наивысшей точки расцвета. На протяжении двух последних десятилетий Сулейман находился под влиянием своей фаворитки, ставшей широко известной европейцам как Ла Росса, или Роксолана. Пленница из Галиции, дочь украинского священника, она получила от турок прозвище Хуррем, или «Смеющаяся», за свою счастливую улыбку и веселый нрав.

Однако российский историк XVIII Кондратий Биркин вы-

сказывал иное мнение о происхождении фаворитки: «Обманываясь созвучием имен – собственного и нарицательного, некоторые историки видят в Роксолане русскую, так как роксоланами называли в Западной Европе славян, живших по прибрежьям Дона; другие, преимущественно французы, основываясь на комедии Фавара “Три султанши”, утверждают, что Роксолана была француженка. То и другое совершенно несправедливо: Роксолана – природная турчанка – была куплена для гарема еще девочкой на невольничьем базаре для прислуги одалыкам, при которых и занимала должность простой рабыни».

И все же большинство историков считает, что Роксолана была славянских корней. Она пленила султана молодостью, красотой и пламенными ласками. Наложница в совершенстве овладела искусством читать мысли Сулеймана. Ей не составило труда избавиться от своей предшественницы Гюльбахар, «Весенней розы», которая была вынуждена отправиться в своеобразную ссылку на полгода в Магнесию.

В первые пять лет своего сожительства с Роксоланой Сулейман имел от нее сыновей Магомета, Баязида, Селима и Джехангира и дочь Михримах. Семейство еще более привязало султана к наложнице, и тогда-то Роксолана приступила к осуществлению хитрого замысла – посадить на оттоманский престол сына своего, Баязида, обожаемого ею до безумия, особенно после смерти старшего сына, скончавшегося в юных летах. Интригу свою Роксолана вела с тем умом и

тактом, которые свойственны женщине, не сомневающейся в своей власти над мужчиной.

Выдав четырнадцатилетнюю дочь за великого визиря Рустем-пашу, Роксолана тем самым привлекла его на свою сторону и приобрела в нем верного сообщника.

Осенью 1542 года в отсутствие Сулеймана, находившегося в походе, Роксолана, поведала муфтию о том, что мечтает построить огромную мечеть с имаретом ради спасения души своей и в угоду Аллаху. Муфтий, одобряя ее благое намерение, заметил любимице султана, что возведение мечети не может послужить ей во спасение души, так как всякое добре деяние рабыни вменяется в заслугу ее повелителю и только свободная женщина властна в своих поступках.

Роксолана знала о существовании этого закона, но сделала вид, что очень огорчена и в течение нескольких дней была грустна и задумчива. Вернувшись из похода Сулейман не узнал в ней прежней веселой, страстной красавицы. Когда он попытался выяснить, что произошло, наложница отвечала: «Причина моей тоски – сознание рабства и лишения прав человеческих!»

За улыбку Роксоланы султан готов был обратить в рабство целое царство или, напротив, освободить из-под своего ига тысячи невольников. Он объявил Роксолане, что слагает с нее позорное звание рабыни и дарует ей желанную свободу. Фаворитка улыбнулась и, осыпав поцелуями руку господина, быстро удалилась в свои покои.

Настала ночь. Евнух, посланный султаном за Роксоланой, вернулся один. Когда же она все-таки предстала перед повелителем, возмущенный Сулейман спросил, чем вызвано ее неповинование?

«А вызвано оно моей покорностью воле Аллаха! – отвечала Роксолана. – Раба исполняет приказания господина, но свободная женщина грешит, разделяя ложе не с законным мужем... Разве ты, высочайший образец для всех правоверных, посмеешь нарушить заповедь пророка?»

Сулейман призадумался и послал за муфтием. Служитель культа одобрил ее действия, сказав, что они вполне согласуются с законом Магомета.

Через два дня Роксолана была объявлена законной супругой своего государя с предоставлением ей всех прав и преимуществ султанши-валиде. За два минувших века подобного не удавалось добиться ни одной наложнице турецких султанов.

Султану в то время было за шестьдесят, Роксолане – около сорока. Ее могущество росло с каждым днем. Она вникала во все тонкости государственных дел, контролировала расходы, интересовалась торговлей сукном и золотом, казнила и миловала. Европейские монархи, отправляя посольства на Восток, посыпали гонцов к Хуррем.

Прежде ни одной женщине не дозволялось ночевать в Большом Серале. Роксолана же оставалась там до конца своей жизни, и со временем здесь был построен новый гарем.

Султан при всей своей привязанности к близким готов был жестоко расправиться с любым, кто посягнет на его абсолютную власть. Зная о его подозрительности, Роксолана решила сыграть на этих струнах его натуры. Она была полна решимости обеспечить наследование трона Баязиду.

Но Сулейман видел своим преемником Мустафу, сына Гюльбахар. Он был красивым молодым человеком, «удивительно высокообразованным и рассудительным и в возрасте, когда можно править». Щедрый духом и мужественный в бою, Мустафа завоевал любовь янычар, которые видели в нем достойного преемника своего отца. Мустафа, занимавший должность правителя Сирии, жил в Диарбекире, обожаемый народом и войсками, неизменно покорный воле своего отца и государя.

В канун третьей персидской кампании Сулейман, вступивший в свое шестидесятилетие, впервые не захотел лично возглавить войско и передал верховное командование Рустем-паше.

Роксолана приближалась к зениту своей власти. По ее приказу Рустем уведомил пашей, чтобы те почаше извещали Сулеймана о добрых делах Мустафы. Эти хвалебные послания Роксолана показывала султану в те минуты, когда в нем особенно проявлялись опасения, а не вздумает ли его сын поднять знамени мятежа. «Как его все любят! – говорила Роксолана. – Его, право, можно назвать не наместником, но государем; паши повинуются ему, как велениям самого

султана. Хорошо, что он не употребляет во зло своего влияния, но если бы на его месте был человек лукавый, честолюбивый, тот мог бы...»

Отправив сына своего Джехангира в Диарбекир, где тот сошелся и подружился с Мустафой, Роксолана продолжала восторженно восхвалять своему супругу добродетель его наследника Мустафы тем вкрадчивым голосом и в таких выражениях, которые даже в отцовском сердце возбуждают зависть и ревнивые опасения. Роксолана напомнила Сулейману о том, как Селим сместил собственного отца Баязида. Нет-нет, конечно, кроткий и благородный Мустафа на это не способен, но все-таки...

Вскоре через посланца Рустем-паша стали приходить сообщения, что янычары проявляют беспокойство и требуют, учитывая возраст султана, чтобы их возглавил Мустафа. Мол, Сулейман стал слишком стар, чтобы лично идти походом против врага, и что только великий визирь Рустем-паша противится тому, чтобы Мустафа занял место султана. По словам посланца, Мустафа благосклонно прислушивался к подобным подстрекательским слухам, а потому что Рустем-паша умоляет султана ради спасения своего трона немедленно возглавить войско. Это был шанс для Роксоланы. Она продолжала разжигать в сердце супруга ненависть и подозрительность к Мустафе.

Сулейман долго колебался, прежде чем решить судьбу сына. Он попытался получить беспристрастный совет от муф-

тия, шейх-уль-ислама. Правда, султан говорил ему о некоем рабе, который в отсутствие хозяина начал растаскивать его собственность, замышлять нехорошее против жизни его жены и детей: мало того, задумал убить самого господина. Закончив рассказ, Сулейман спросил: «Какой приговор должен быть вынесен этому рабу?» Муфтий ответил, что «он заслуживал быть замученным до смерти».

В сентябре Сулейман приехал в Эрегли и вызвал Мустафу из Сирии. Друзья умоляли его не подчиняться приказу, но Мустафа не чувствовал за собой вины и с надеждой на отцовскую любовь отправился к Сулейману. Он прибыл без всякой свиты и спокойно вошел в пышный шатер султана. Однако не успел Мустафа и слова сказать, слуги Сулеймана опрокинули его на землю и, набросив шнурок на шею, удушили.

Вслед за Мустафой был умерщвлен его малолетний сын. Вскоре умер и друг Мустафы, Джехангир, сын Роксоланы; от горя – говорят романисты, от яда – гласит история. Кровавые эти события совершились летом 1553 года. Теперь путь Баязиду к престолу был открыт.

Труп Мустафы был выставлен у шатра Сулеймана для прощания с ним войска. Чтобы не вызвать брожения в армии, султан лишил Рустем-пашу поста командующего и других званий и отоспал обратно в Стамбул. Но уже через два года, после казни его преемника, Ахмед-паши, он вновь был во власти как великий визирь. Разумеется, по настоянию сул-

танши.

Роксолана добилась всего, о чем мечтала. Она обеспечила наследование султаната одним из своих сыновей: Селимом, самым старшим и ее любимцем, и Баязидом, средним, несопоставимо более достойным преемником. Более того, Баязид был фаворитом янычар, напоминая им своего отца Сулеймана.

Теперь ничто не удерживало ее на этой земле. В 1557 году Роксоланы не стало. Горько оплакивал ее смерть Сулейман. Он не разочаровался в жене ни при ее жизни, ни после ее смерти. Да и кто осмелился бы запятнать память Роксоланы в глазах ее супруга? Она была похоронена в усыпальнице, которую султан построил за огромной мечетью Сулеймании.

После смерти Роксоланы султан замкнулся в себе, стал молчаливым. Даже военные триумфы перестали волновать его.

Сулейман ушел в мир иной осенью 1566 года. Он скончался в своем шатре, возможно, от апоплексического удара, возможно, от сердечного приступа. На престол взошел Селим.

Лжедмитрий и Марина Мнишек

…Марине было около шестнадцати, когда в феврале 1604 года в прикарпатский городок Самбор к ее отцу, сандомирскому воеводе Ежи (Юрию) Мнишку, прибыл человек, которому по прихоти истории суждено было на миг вознестись на российский престол. Кем же был этот искатель приключений, вошедший в российскую историю под именем Лжедмитрий?

Григорий, носивший в миру имя Юрия Отрепьева, родился в небольшом городке Галиче. Путь в жизни с детства привел его к престолу. В 11 лет он поступил на службу

к боярам Романовым, а затем принял постриг под именем Григория. Сменив несколько провинциальных монастырей, он очутился в кремлевском Чудовом монастыре. Здесь Отрепьеву удалось довольно быстро выдвинуться благодаря своей образованности и литературным талантам. Но он жаждал опасных приключений, воинских подвигов, страстной любви.

Григорий Отрепьев бежал в Гощу и поступил в протестантскую школу. Там он провел только одну зиму, а весной вновь отправился на поиски своей судьбы. Вскоре Григорий поступил на службу к князю Адаму Вишневецкому. Решение называться давно умершим царевичем Дмитрием подсказала ему сама жизнь. К тому же Дмитрий был почти ровесник Григория, умер в девятилетнем возрасте в далеком Угличе, а если бы остался жив, то после смерти царя Федора на престол взошел бы он, а не боярин Борис Годунов.

Притворившись смертельно больным, Григорий признался сначала на исповеди попу, а потом и самому князю Адаму Вишневецкому, что на самом деле он не кто иной, как сын Ивана Грозного Дмитрий, чудесным образом спасенный в далеком детстве от рук наемных убийц Бориса Годунова.

Весть о появлении царевича Дмитрия быстро разнеслась по западным окраинам Русского государства. Современники отмечали большую физическую силу Григория, бесстрашие, самонадеянность, неуемное честолюбие, ценимые казаками исключительно высоко. Скоро и в Польше мнимый царевич

стал очень популярен.

На одном из пиров Лжедмитрий познакомился с сандомирским воеводой Юрием Мнишком, любившим жить на широкую ногу, явно не по средствам. Впереди его ждало разорение, и он был готов на любые авантюры, лишь бы поправить свое положение. Хитрый воевода сразу сообразил, что с помощью московского царевича сможет поправить свои дела. Он познакомил его со своей дочерью Мариной и ввел в дом.

Дмитрий сразу же увлекся Мариной. Кроме того, у нее было много черт, буквально родивших ее с самозванцем: непомерное честолюбие, мания величия и даже безрассудство. Двойственность образа жизни Марины: с одной стороны, знатность и роскошь, с другой – нужда в деньгах, долги, неопределенное будущее – несомненно, оказала влияние на формирование ее характера. Существует несколько романтических рассказов того времени о поединке, который имел будто бы Лжедмитрий с каким-то польским князем за прекрасную Марину.

Поселившись у Юрия Мнишека, Лжедмитрий сделал его дом самым популярным в Польско-Литовском государстве. Вскоре сам король Сигизмунд удостоил новоявленного Дмитрия вниманием и принял в своей резиденции в Кракове. Это еще больше подняло престиж Мнишеков среди польской знати.

Отзывы современников о Лжедмитрии весьма благо-

склонны. В Речи Посполитой он освоил местные обычаи, в частности охотно танцевал. Ростом «царевич» был невысок, но хорошо сложен. Хотя он не отличался красотой, ум и уверенность в себе придавали ему особое обаяние.

Марина и Лжедмитрий вскоре были объявлены женихом и невестой. Поддержка Мнишека нужна была самозванцу лишь до вступления на престол; после этого настаивать на свадьбе, торопить Марину и ее отца с приездом в Москву его могло заставить, пожалуй, лишь искреннее чувство.

Отправившись в поход на Москву за «отчим престолом», Лжедмитрий оставил Марину своей официальной невестой, с которой был заключен договор. Документ, подписанный в Самборе 25 мая 1604 года, гласил, что в случае удачи невеста получала Новгород и Псков, богатые подарки, а ее отец – значительные денежные средства. В числе условий брака отмечено, что царь будет стремиться всеми способами привести к подчинению римскому престолу свое Московское государство. Таким образом, будущая царица принимала в глазах католиков высокое, апостольское призвание.

Мнишек советовал Дмитрию держать свое намерение в тайне, пока не вступит на престол. Сандомирский воевода не доверял Сигизмунду и опасался, что король захочет отдать за возможного царя свою сестру. Сама Марина, как говорят, вела себя сдержанно и давала понять Лжедмитрию, что она тогда только осчастливит его своею любовью, когда он добудет себе престол и тем сделается ее достойным.

Ожидание оказалось недолгим. Начав поход на Русь в октябре 1604 года, уже 20 июня 1605 года под перезвон всех колоколов, встречаемый тысячами ликующих москвичей Лжедмитрий въехал в столицу.

В ноябре 1605 года в Krakow прибыл посол нового царя дьяк Афанасий Власьев. Он заявил Сигизмунду о намерении своего государя сочетаться браком с Мариною в благодарность за те великие услуги и усердие, какие оказал ему сандомирский воевода. Во время обручения, по обычаям династических браков, Вльеву было поручено представлять своего государя на заочном венчании. Церемония состоялась 12 ноября. После обручения был обед, а потом бал.

«Марина, – говорит один из очевидцев, – была дивно хороша и прелестна в этот вечер в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов». Московские посланцы и поляки любовались ее стройным станом, быстрыми изящными движениями и роскошными черными волосами, рассыпанными по белому серебристому платью, усыпанному каменьями и жемчугом. Московский посол отказался с ней танцевать, заявив, что недостоин прикоснуться к жене своего государя, но внимательно следил за всеми церемониями. В частности, он выразил недовольство тем, что Мнишек велел дочери поклониться королю Сигизмунду, благодаря его за «великие благодеяния», – такое поведение совсем не подобало русской царице.

Марина с огромным удовольствием играла роль царицы:

восседала в церкви под балдахином в окружении свиты, посетила Краковский университет и оставила свой автограф в книге почетных посетителей.

Марина получала от Лжедмитрия богатые дары. Ожидалось, что вскоре она отправится в Москву, но отъезд несколько раз откладывался: Юрий Мнишек жаловался зятю на недостаток средств и долги, не позволявшие быстро выехать. Однако вскоре до Марины дошли слухи, что в Москве у нее появилась соперница – прекрасная царевна Ксения, дочь умершего царя Бориса Годунова. Марина сразу засобиралась в дорогу, повелев отцу написать письмо царю.

Наконец Мнишек получил от Лжедмитрия 300 тысяч златых, и 2 марта 1606 года Марина выехала из родного Самбора, окруженная огромной свитой.

На московской земле Марину встречали священники с образами, народ с хлебом-солью и дарами. Нареченная царица ехала медленно и, приблизившись к Москве, остановилась в заранее подготовленных для нее шатрах.

2 мая царская невеста прибыла в Москву. На улицах ее встречали толпы нарядных горожан. Эта церемония описана многими очевидцами, пораженными ее пышностью, великолепием, роскошью. Малиновый звон колоколов, длинное шествие придворных в раззолоченных нарядах, сияющие панцири кавалерии...

После краткого свидания с Лжедмитрием в Кремле Марину привезли в Вознесенский монастырь, где ее встретила

«мать» царя – вдова Ивана Грозного Марфа Нагая.

Свадьба Лжедмитрия и Марины состоялась в четверг 8 мая. Как отмечает историк Костомаров, «свадьба устроена была по заветному прадедовскому чину с караваями, с тысяческим, с дружками, со свахами. Марина, не любившая русской одежды, явилась в столовую избу в русском бархатном платье с длинными рукавами, усаженном дорогими каменьями и жемчугом до того густо, что трудно было распознать цвет материи; она была обута в сафьянные сапоги; голова у ней была убрана по-польски, повязкою, переплетенной с волосами».

После обычных церемоний новобрачные со свадебным поездом отправились в Успенский собор. Прежде венчания царь изъявил желание, чтоб его супруга была коронована, затем помазана на царство и причастилась Святыми Дарами. Лжедмитрий хотел сделать приятное жене и тестю, подчеркнув особое положение Марины. Она приняла причастие по православному обряду. Царь не хотел принуждать жену к смене веры и желал лишь исполнения ею – для спокойствия подданных – православных обрядов во время торжественных церемоний.

Совершилось венчание. Ксендз произнес в Успенском соборе проповедь на латинском языке. Свадьба, однако, продолжалась во дворце по всем правилам русского свадебного чина.

Потекли веселые дни пиров и праздников. Марина, по

требованию царя, хотя и являлась в русском платье, когда принимала поздравления от русских людей, но на свадебном пиру была в польском платье, на столе стояли любимые ее кушанья, в том числе и телятина, которую русские люди не употребляли, считая поганой, играла польская музыка, и все гости танцевали. На русских пирах могли танцевать только скоморохи, поэтому все нововведения польской невесты были сочтены большим грехом.

Марина же, несомненно, была на вершине счастья. Сбылись самые смелые мечты честолюбивой полячки.

В воскресенье готовился маскарад с великолепной иллюминацией, а за городом устраивали бутафорскую крепость. Поляки затевали рыцарский турнир в честь новобрачной четы. Много иных веселых планов представлялось для суетной и избалованной судьбою Марины.

Однако среди москвичей росло недовольство нашествием поляков. Этим обстоятельством решили воспользоватьсямятежные бояре во главе с князем Василием Шуйским. Какие-то вести о заговоре дошли до Лжедмитрия, но он лишь отмахнулся.

Ранним утром 17 мая 1606 года москвичи проснулись от звона колоколов. Им объявили, что поляки хотят убить царя Дмитрия, и они бросились громить дома, где жили родственники Марины. Заговорщики ворвались в Кремль, смяли сопротивление царской стражи и стали искать Лжедмитрия. Спасаясь, он выпрыгнул из окна и сломал ногу. Стрельцы

хотели было защищать царя, но заговорщики пригрозили им разорением стрелецкой слободы, и те в испуге отступились. Тело убитого Лжедмитрия было выставлено на Красной площади; Шуйские объявили о его самозванстве, несколькими днями позже князь Василий был избран царем.

Марина спаслась чудом. Она вбежала в свои покои, к придворным дамам и, будучи небольшого роста, спряталась под юбкой охмистрины. К счастью, прибежали бояре и разогнали неистовую толпу.

Марина оставалась во дворце до среды будущей недели; к ней приставили стражу. В среду пришли к ней московские люди от бояр и сказали: «Муж твой, Гришка Отрепьев, вор, изменник и прелестник, обманул нас всех, назвавшись Дмитрием, а ты знала его в Польше и вышла за него замуж, тебе ведомо было, что он вор, а не прямой царевич. За это отдай все и вороти, что вор тебе в Польшу пересыпал и в Москве давал». Марина указала им на свои драгоценности и сказала: «Вот мои ожерелья, камни, жемчуг, цепи, браслеты... все возьмите, оставьте мне только ночное платье, в чем бы я могла уйти к отцу».

У Мнишка забрали десять тысяч рублей деньгами, кареты, лошадей и вино, которое он привез с собою.

Василий Шуйский отправил семью Мнишков в Ярославль, где они прожили до июля 1608 года. Затем по договору с польским королем Марину с отцом отправили на родину. Но на пути их встретил пан Зборовский, один из ру-

ководителей польских отрядов при Лжедмитрии II. Он предложил Марине стать женой второго самозванца, укрепив тем самым его авторитет. В Тушинском лагере она вновь становится русской царицей – 5 сентября 1608 года. Вскоре судьба преподнесла ей новый сюрприз: второй Лжедмитрий был убит. В это время она была на последних месяцах беременности.

Вскоре она родила сына, которого нарекла Иваном, возможно, в честь казацкого атамана Ивана Заруцкого, который отныне стал ее единственным покровителем. Даже с маленьким ребенком на руках Марина продолжала борьбу, надеясь стать московской царицей.

Конец «царствования» Мариной был ужасен. Заруцкий как главный « заводчик воровства » был посажен на кол, четырехлетний царевич Иван повешен (во избежание новых смут), а Марина была заточена в одной из башен Коломенского кремля, прозванной потом «Маринкиной». Здесь она умерла не то «от тоски», не то от голода, не то была отравлена.

Джахангир и Нур Джахан

Могольский император Акбар – великий реформатор средневековой Индии любил праздники. Именно он начал устраивать «женские базары», на которых жены и дочери придворных торговали украшениями, тканями и всячими безделушками.

На одном из таких веселых базаров сын императора Салим встретил юную красавицу Мехруннису. Ее отцом был Гийяс Бег, тысячник в войске императора. Мехрунниса родилась на пути в Индию, куда Гийяс Бег, иранец по происхождению, отправился на поиски счастья в 1576 году.

Наследник престола так увлекся девицей, что встревоженному Акбару пришлось подыскать Мехруннисе жениха. Им стал иранец Шер-Афкан, служивший в армии императора. После свадьбы Акбар назначил его на более высокую должность и пожаловал ему во владение округ Бурдан в Бенгалии, подальше от двора.

Через несколько лет Акбар скончался и на престол взошел Салим под именем Джахангира. Он вспомнил о прекрасной Мехруннисе, которая жила в Бурдане вместе с мужем и дочерью. Император повелел Шер-Афкану явиться в столицу, полагая, что Мехрунниса будет его сопровождать. Шер-Афкан был верным подданным, но очень осторожным. Заподозрив неладное, он отказался ехать ко двору.

Тогда в Бурдан отправился молочный брат императора Кутб уд-дин, занимавший пост наместника Бенгалии. Его встреча с Шер-Афканом кончилась кровавой драмой. Наместник попытался убедить супруга Мехруннисы подчиниться государевой воле. Шер-Афкан выхватил саблю и нанес Кутб уд-дину смертельный удар в живот. Сам же, истекая кровью после стычки с охранниками наместника, сумел до-

браться до дома. Он проследовал на женскую половину дома, чтобы убить жену и спасти свое имя от бесчестья. Но гостившая в Бурдване мать Мехруннисы не растерялась и сказала зятю, что несчастная, услышав о случившемся и считая супруга убитым, бросилась в колодец. При этих словах Шер-Афкан упал замертво.

Узнав о смерти соперника, Джахангир вздохнул с облегчением. «Надеюсь, – писал он в своих мемуарах, – что этот гнусный негодяй навечно обретет пристанище в аду». Император приказал доставить Мехруннису ко двору. Однако по существующим законам даже император не мог жениться на ней сразу: ведь она была вдовой человека, объявленного государственным преступником. В течение нескольких лет Мехрунниса находилась при одной из жен покойного императора Акбара.

Лишь в 1611 году Джахангир женился на своей избраннице. Свадьба была отпразднована с необычайной пышностью. Мехрунниса получила новое имя Нур Джахан – Свет Мира, под которым и вошла в историю Индии.

Ей было тридцать четыре года, что считалось солидным возрастом. Несмотря на это Нур Джахан оставалась, по свидетельству современников, блестательной красавицей, едва ли не владевшей магическим секретом вечной молодости. Она писала стихи под псевдонимом Махфи, вышивала золотом; именно ей индийская традиция приписывает изобретение «итр» – эссенции из розовых лепестков.

Джахангир обожал ее. Прежде он имел девять жен и множество наложниц, но до брака с Нур Джахан «даже не подозревал, что такое супружество». Император не мог обойтись без жены и дня. Она даже лечила его, не доверяя другим врачам. Отважная женщина сопровождала Джахангира и в поездках по империи, и на охоте. В своих мемуарах правитель с восторгом рассказывал о том, как его супруга, восседая на слоне, одним выстрелом из мушкета убила тигра-людоеда.

Джахангир всячески поощрял участие жены в решении государственных проблем, в то время как сам все сильнее увлекался вином и опиумом, предаваясь развлечениям. «Она достаточно сильна и мудра, чтобы править, – уверял Джахангир, – а мне ничего не надо, кроме вкусной еды и хорошего вина».

Нур Джахан выдвинулась на первые роли в управлении империей. Ее имя чеканилось на монетах и стояло на государственной печати рядом с именем супруга. Она принимала послов, выслушивала жалобщиков и просителей; решала вопросы войны и мира, раздавала придворные должности и земельные наделы, особо отличая при этом своих родственников и даже старых слуг. Например, брата Асаф Хана она сделала первым сановником.

Разумеется, далеко не все были довольны переходом государственной власти в руки женщины. Помимо сыновей Джахангира, мечтавших о престоле, за влияние на императора боролось несколько придворных группировок.

Один из высокопоставленных и пользовавшихся особым доверием Джахангира вельмож, Махабат Хан, заявил государю, что не в силах более мириться с позором и бесчестием, которые повелитель навлек на себя безумной страстью к Нур Джахан. История еще не знала примера подобного подчинения могущественного монарха воле своей жены. Махабат Хан призывал падишаха одуматься.

Джахангир попытался взять в свои руки бразды правления. Но, как с грустью заметил летописец, двести таких, как Махабат Хан, не могли пересилить влияние Нур Джахан на падишаха...

Единственным союзником властолюбивой императрицы был ее брат Асаф Хан. Чтобы прочнее связать себя с правящей семьей, Нур Джахан, у которой не было детей от императора, устроила два важных для себя брака. Один из сыновей Джахангира, Хуррам, взял в жены дочь Асаф Хана (впоследствии Хуррам, став императором Шах Джаханом, построил для нее всемирно знаменитый мавзолей Тадж Махал). Нур Джахан выдала свою дочь от первого брака за другого сына Джахангира. Все это делалось для того, чтобы после смерти мужа императрица осталась у власти.

Казалось, создавшееся положение благоприятствовало честолюбивым замыслам Нур Джахан. Старший сын Джахангира, Хусру, за мятеж против отца был ослеплен и заточен в тюрьму. Другой сын, Хуррам, тоже попытался восстать, но потерпел поражение и, хотя был прощен отцом, находил-

ся в опале. Единственной угрозой оставался еще один сын Джахангира, Парвиз, целиком подчиненный влиянию Махабат Хана. Именно эти двое подавили мятеж Хуррама, что принесло им славу и почет!

Кульминация в борьбе двух придворных группировок, одну из которых возглавляли Нур Джахан с братом, а другую – Парвиз и Махабат Хан, наступила в 1626 году, когда император вместе со своим двором выступил из Кашмира в Лахор. Стремясь покончить с Махабат Ханом, Нур Джахан добилась того, чтобы его вызвали ко двору императора с отчетом о трактих во время пребывания наместником в Бенгалии. Махабат Хан понимал всю опасность ситуации, поэтому направился в ставку падишаха с отрядом в четыре тысячи воинов.

Во время переправы Джахангир и его приближенные были пленены Махабатом Ханом, который заявил, что остается преданный подданным императора, но государству угрожает честолюбие Асаф Хана и его сестры. Повелитель, безусловно, свободен, но теперь он будет находиться под надежной охраной...

Нур Джахан с отрядом отправилась вызволить мужа из плена.

В итоге Нур Джахан также попала в плен к Махабат Хану. Вельможа наслаждался одержанной победой и раздумывал, что делать дальше. А пока, выполняя волю императора и его супруги, он отправился вместе с ними в Кабул, где позволил

одному из придворных набрать среди местных жителей две тысячи всадников якобы для похода на Кандагар, захваченный персами. На самом деле воинов вербовали по тайному распоряжению Нур Джахан.

А потом Джихангир заявил, что хочет провести смотр новых войск, но без участия в нем людей Махабат Хана, дабы избежать стычки между афганцами и индусами. Махабат Хан опрометчиво согласился, и Джихангир, возглавив отряд, легко освободился из плена.

Потерпев поражение, Махабат Хан поспешил дальше на юг, но, получив известие о внезапной смерти принца Парвиза, сразу предложил свои услуги Хурраму, также находившемуся на Декане. Хуррам же не собирался поднимать мятеж: он ждал, когда власть сама перейдет к нему в руки, ведь Парвиз был мертв, а два младших брата, Шахрияр и Джихандар, серьезными соперниками не являлись.

Здоровье Джихангира слабело с каждым днем. Он надеялся обрести исцеление в благодатном климате Кашмира, но тщетно. 28 октября 1627 года Джихангир умер. Царственная вдова недолго предавалась скорби: она хотела возвести на трон своего зятя Шахрияра, который немедленно захватил государственную казну и провозгласил себя падишахом.

Но Асаф Хан объявил государем юного сына принца Хусру. Некогда восставший против отца, Хусру был ослеплен, а потом убит, а сын его, долгое время находившийся в заключении, понятия не имел о государственных делах. Наивный

юноша не ведал, что его, по выражению летописца, готовят на роль жертвенного барашка, что Асаф Хан уже тайно послал гонца к Хурраму. Нур Джахан была разгневана предательством брата, но лишь тогда, когда Хуррам отправил на тот свет других претендентов и взошел на престол под именем Шах Джахана, поняла, что окончательно проиграла...

К чести Шах Джахана, он не тронул вдовствующую императрицу. Вместе с овдовевшей дочерью Нур Джахан была отправлена в одно из своих владений, где и умерла через восемнадцать лет. Похоронили ее в Лахоре, в гробнице Джахангира.

Рембрандт ван Рейн и Саския ван Эйленбург

Один из величайших в мировом искусстве художников Рембрандт ван Рейн родился 15 июля 1606 года в Лейдене. Он был восьмым ребенком в семье мельника Харменса Герритса ван Рейна. Вначале Рембрандт поступил в латинскую школу, а по окончании ее – в университет. Вскоре он оставляет университет и начинает учиться живописи.

В 1631 году художник переезжает в Амстердам. Здесь он работает главным образом над портретами. Представители самых разнообразных слоев общества стремились запечатлеть себя.

Саския ван Эйленбург (Эйленбюрг) пришла к нему в дом вместе со своим кузеном Хендриком. Недавно осиротевшая дочь бургомистра приехала посмотреть Амстердам из Фрисландии. Но кузина была отнюдь не похожа на обычную провинциальную красавицу.

Устроившись на высоком стуле, Саския повела себя так

непринужденно и весело, что натянутость первых минут вскоре рассеялась. Она была очаровательной, с удовольствием поддерживала любую беседу. И вдруг сама предложила художнику написать ее портрет. Рембрандт согласился.

Рембрандт встречался с Саскией не только на сеансах, но и на вечеринках, увеселительных прогулках с друзьями. Наконец художник решил жениться на ней.

При первой же возможности он отправился в дом пастора Сильвиуса, дядюшки его возлюбленной. В доме Сильвиуса все напоминало ему о том, что девушка, чьи руки он собирался просить, – дочь бургомистра города Лейвардена, а родственники ее занимают видные церковные и университетские кафедры.

Саския не давала о себе знать больше недели. Портрет, единственный предлог, позволявший Рембрандту постоянно видеться с ней, был готов; вечеринки в конце лета тоже прекратились. И вдруг он нашел у себя под дверью записку, в которой госпожа Сильвиус приглашала его посетить их дом в пятницу вечером.

Рембрандт нанес пастору второй визит. Хозяева сидели на парных стульях по обеим сторонам столика. Рембрандт занял место справа от госпожи Сильвиус, а Саския опустилась на скамеечку у ног пастора. Но и на этот раз Рембрандт не решался произнести необходимые слова. Объяснение в любви состоялось в саду, куда его увлекла Саския.

Потом пастор сообщил, что отец оставил Саскии сорок

тысяч флоринов. Рембрандт ошеломленно молчал. Даже на четвертую часть этой суммы они с Саскией могли жить в роскоши до конца дней своих.

В день обручения Рембрандт набрасывает портрет невесты. Через год они поженились. Брак ввел Рембрандта в высшие круги амстердамского бурггерства.

В июле, когда они с Саскией находились во Фрисландии, куда после свадьбы уехали погостить у ее замужних сестер, Рембрандт получил известие о смерти своего брата Геррита.

В 1635 году в семье родился первый сын – Рембрантус. Казалось, в первые недели его отец только и знал, что рисовать ребенка. Он был не в силах выразить словами и слишком боялся выразить лаской поразительную силу своей любви к малышу.

Но Рембрантус прожил очень недолго и умер в грудном возрасте. Для Саскии это был страшный удар. Она долго не хотела расставаться с телом сына, гнала от себя всех, не выпуская из рук мертвого ребенка. Несчастная мать ходила с ним по дому, баюкая и называя его всеми нежными именами, которыми она вместе с мужем называла Рембрантуса в первые счастливые дни.

Прошло два года с небольшим – и супругов было не узнать. Здоровые и жизнерадостные, разодетые в шелка и увешанные сверкающими драгоценностями – вот каковы Рембрандт с женой.

Молодые супруги сняли дорогую квартиру на Ниве Дулен

итратили наследство Сасскии на все, что только поражало их воображение, – статую Августа, пейзаж Рейсдаля, меха, кружева, жемчуг.

Дела Рембрандта шли успешно, и он покупает большой дом на Бреестрат. Здесь разместилась их огромная коллекция, кстати, довольно необычная: рядом с античными статуями, голландскими и итальянскими картинами, редкими гравюрами, в ней соседствовали старые восточные ткани, потертые ковры, латы, шлемы, боевое снаряжение дикарей, чучела животных, неведомые сущеные травы.

Рембрандт сознавал, что за исключением часов, проводимых у мольберта, жить он может только около Сасскии. Только с ней он чувствует себя человеком: любовь – источник жизни, а любит он одну Сассию, и никого больше.

Он неустанно изображал свою жену в картинах, рисунках и офортах. Сассия позирует в обычном костюме чинной голландской бургерши и в фантастических одеждах, преображающих ее в героиню античной или библейской мифологии. Нежной, вечно юной она предстает в картине «Флора».

В знаменитом «Автопортрете с Сассией на коленях» Рембрандт предстает влюбленным, любимым, радующимся семейному счастью и полностью им довольствующимся.

Памятником любви к Сасскии является и один из лучших шедевров Рембрандта – «Даная», которая долгое время представляла собою загадку. Датированная 1636 годом, она вместе с тем в трактовке образа и в живописной мане-

ре как бы предвосхищала черты рембрандтовского творчества 1640-х годов. Дело в том, что «Даная» не предназначалась художником для продажи и оставалась в его владении вплоть до распродажи его имущества в 1656 году. Поэтому он смог вновь обратиться к ней через десяток лет после ее написания и в значительной части переделать ее. Рембрандт изменил и черты лица героини, придав ее облику сходство с Гертье Диркс, служанкой, жившей в его доме после смерти Сасскии и состоявшей с художником в интимных отношениях. Сейчас лицо Даны представляет собой сочетание черт обеих близких Рембрандту женщин.

После смерти Рембрантуса Сасския еще дважды теряла детей при рождении. Лишь четвертый ребенок, Титус, появившийся на свет в 1641 году, смог пережить трудные годы младенчества. Мальчик был назван этим именем в память покойной Тиции, сестры Сасскии.

Счастливый отец приучил себя смотреть на малыша, не рисуя его: карандаш и тушь уже принесли ему однажды несчастье, и он не входил с ними больше в детскую комнату.

Однако постоянные роды оказали пагубное влияние на здоровье Сасскии. Появление у художника чисто пейзажных изображений в конце 1630-х годов объясняют иногда тем, что в это время в связи с болезнью жены Рембрандт вместе с ней много бывал за городом. Портретов в 1640-х годах художник пишет сравнительно мало. Преобладают композиции на библейские и евангельские темы. Причем выбирает

те сюжеты, которые дают возможность показать благородные, добрые человеческие чувства – дружбу, материнскую любовь, супружескую привязанность, милосердие.

Сасския ван Эйленбург скончалась в 1642 году. Ей было всего тридцать лет. В гробу она выглядела как живая...

В это время Рембрандт работал над знаменитым полотном «Ночной дозор».

В другой картине, датированной этим же трагическим годом, «Прощание Давида с Ионафаном», Рембрандт словно прощается со своей женой. В образе Ионафана без труда узнаются черты лица самого Рембрандта, но постаревшего, ставшего вдруг непривычно серьезным и подавленным. А женственный Давид, с разметавшимися по плечам белокурыми волосами, напоминает о Сасскии. Художник хочет забыться в романтической мечте, хочет верить в возможность нового счастья.

Годы приносят Рембрандту все новые жизненные испытания. Неуклонно ухудшается его материальное положение. В 1656 году в результате наступившего разорения продается с аукциона за долги его имущество – дом и великолепные коллекции, собранные с любовью и тонким пониманием, художник был вынужден переехать в один из беднейших кварталов Амстердама.

В 1663 году умирает его вторая супруга – Хендрикье Стоффельс, а в 1668 году Рембрандт теряет и своего единственного сына Титуса. Художник остается с юной дочерью

от Хендрикье – Корнелией.

Рембрандт скончался 4 октября 1669 года. Смерть его прошла почти незаметно, о кончине великого художника можно узнать лишь по краткой записи в погребальной книге церкви, при которой он был похоронен...

Петр Первый и Марта Скавронская

Многое в истории Марты Скавронской, взошедшей на российский престол под именем Екатерины I, остается неясным. Она родилась 5 апреля 1684 года. О ее происхождении ходили разноречивые слухи. Согласно одному из них, мать Марты была крестьянкой и рано умерла. Девочку взял на воспитание пастор Глюк. По другой версии, Марта бы-

ла дочерью лифляндского дворянина и его крепостной служанки. Третьи считали ее уроженкой Швеции. Достоверным является лишь факт, что девочка, рано оставшись без родителей, воспитывалась в семье пастора Глюка, где выполняла обязанности служанки. Детство и юность провела в лифляндском городишке Мариенбурге. Образования она не получила, читать и писать не умела.

В семнадцать лет Марта обручились со шведским драгуном, которого во время брачного пира срочно вызвали в Ригу. При взятии русскими Мариенбурга она попала в плен к фельдмаршалу Шереметеву, у того красавицу выпросил Меншиков, у последнего ее заметил Петр. Случилось это в 1703 году.

Личная жизнь Петра не складывалась. Распался его брак с Евдокией Лопухиной. Драматично завершился и многолетний роман царя с Анной Монс. Тут-то и появилась Марта, которая приворожила царя.

Она приняла православие и стала Екатериной. Через два года у нее уже было двое незаконнорожденных сыновей Петра. Царь очень привязался к этой жизнерадостной и страстной женщине и, не желая больше делить ее с Меншиковым, сделал Екатерину «своим сердечным другом». Она создала в доме уют, тихую и желанную пристань для отдохновения от трудов и печалей.

Письма царя к ней достаточно красноречиво отражают взлет его привязанности и уважения. «Для Бога, приезжай-

те скорей, а ежели за чем невозможno скоро быть, отпиши-
те, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу
вас», – пишет он из Петербурга.

5 января 1709 года в предверии генерального сражения Петр составляет на всякий случай записку: в случае его смерти выдать Катерине с дочерью три тысячи рублей. Сумма для того времени – немалая, особенно учитывая бережливость царя. Переезжая из одного места в другое, Петр не забывает послать своей Катерине, правда, не очень часто, какую-нибудь безделушку, гостище, вроде часов «новой моды» (со стеклами – от пыли) или бутылку вина венгерского, чтобы не грустила…

Перед Прутским походом 6 марта 1711 года совершилось тайное венчание царя – у него появилась законная супруга Екатерина Алексеевна.

Она нередко ездила с Петром во время походов. Так случилось, например, в пору Прутского похода. К землям Молдавии царь отправился два года спустя после Полтавской победы. На этот раз стойкость и мужество солдат, изворотливость дипломатов чудом спасли и армию и самого Петра. Сыграла свою роль и Катерина, находившаяся с ним в окруженному лагере: ее драгоценности, как передавали из уст в уста, преподнесли знатным туркам, и это тоже способствовало заключению мира.

19 февраля 1712 года Петр решил устроить публичные торжества, посвященные своему бракосочетанию с Катери-

ной. При подъезде к дому новобрачных встречали салютом с Петропавловской и Адмиралтейской крепостей. С 6 до 11 вечера были танцы, а затем «пущали ракеты и бросали бомбы и план был зажжен, на котором были выкладены фитилями литеры латинские «Виват...».

Екатерина обзавелась своим двором, стала принимать иностранных послов, давать приемы и встречаться с европейскими монархами на равных.

С 1704 до 1723 года Екатерина родила Петру одиннадцать детей, большинство которых умерло еще во младенчестве: Павел (1704–1707), Петр (1705–1707), Екатерина (1706–1708), Наталья (1713–1715), Маргарита (1714–1715). Горше всего была потеря наследника престола четырехлетнего «шишечки», умершего 25 апреля 1719 года. За ним последовали еще трое – Павел (1717), Петр (1723), Наталья (1718–1725). Из одиннадцати детей в живых осталось только двое, к тому же старшая из дочерей, Анна, ненадолго пережила родителей – скончалась в 1728 году.

Частые беременности не мешали Екатерине сопровождать государя во всех его путешествиях. Она была настоящей офицерской женой, способной совершать долгие походы – целый день скакать на лошади, спать на жесткой постели и подолгу жить в палатке. Царица была высокого роста, почти под стать самому Петру, и имела крепкое здоровье. Да и силой природа ее тоже не обидела.

Суровый деспот, человек с железным характером, Петр

в своих отношениях к Екатерине был неузнаваем: посыпал к ней письмо за письмом, одно другого нежнее, и каждое – полное любви и предупредительной заботливости, замечает историк Семевский. Сохранилось более сотни писем Екатерины и Петра. Державный супруг в письмах обращается к ней: «Катеринушка, друг мой, здравствуй!», «Катеринушка, друг мой сердешнинькой, здравствуй!»

Когда царь находился в состоянии ярости, никто не решался подойти к нему. Кажется, она одна владела тайной успокаивать царя, могла без страха смотреть в его искаженные гневом глаза. С ролью супруги царя онаправлялась легко и непринужденно. «Царь, – писал современный наблюдатель, – не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся – один величественностью своей простоты, другой своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась».

Екатерина всегда заступалась за тех, на кого грозный и скорый на расправу царь обрушивал свой гнев, и скоро научилась извлекать из этих своих услуг немалую выгоду. Для того чтобы придворному избежать ссылки или смерти, надо было явиться в покой к Екатерине с мешком денег в руках.

Как и раньше, она была полна заботы по отношению к су-

пругу, посыпает ему, все чаще болевшему, лекарства. А он сетует на недомогания, томится вдали от нее («только без вас скучно»). Екатерина часто упоминает в своих письмах мужу о маленьком Петре, называя его «санкт-петербургским хозяином».

26 июня 1718 года скончался Алексей – сын Петра от первого брака. Смерть его не разрешила волновавшего царя вопроса о своем преемнике. Дело в том, что вслед за Алексеем в 1719 году умер и сын царя от брака с Екатериной – четырехлетний Петр Петрович, объявленный наследником. Утрата эта, несомненно, отразилась на самочувствии царя, ибо, как записал современник, «по мнению многих, царица вследствие полноты вряд ли в состоянии будет родить другого царевича».

Переезды, без труда переносимые лет десять – пятнадцать назад, теперь утомляли царя, да и его супругу тянуло к домашнему уюту. Взаимное стремление быть вместе достаточно четко высвечивает переписка.

После Ништадского мира 1721 года Россия закрепила за собой Восточную Прибалтику. Сенат преподнес Петру титул императора всероссийского, Петра Великого, Отца Отечества. В следующем году Екатерина сопровождала его в Каспийском походе.

В письмах той поры он называет ее уже государыней императрицей. Петр, очевидно, все чаще думает о «Катеринушке» как о своей преемнице. В манифесте 1723 года он обос-

новывал права супруги на титул императрицы, как его помощницы, участвовавшей во всех его делах, терпевшей лишения походной жизни.

В феврале 1724 года Петр вместе с Екатериной отправился принимать курс лечения марциальными водами, а в марте весь двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий, иностранные дипломаты по последнему санному пути отправились в Москву, чтобы участвовать в церемонии коронации Екатерины. Для нее была изготовлена мантия из парчи с вышитым на ней двуглавым орлом, подбитая горностаем, из Парижа привезли роскошную карету.

Церемония коронации была проведена 7 мая 1724 года в Успенском соборе. Петр был одет в парадный костюм: голубого цвета кафтан, шитый серебром, красные шелковые чулки и шляпу с белым пером. Артиллерийские залпыозвестили, что царь самолично возложил корону на голову стоявшей на коленях Екатерины, а придворные дамы прикрепили мантию. В Грановитой палате состоялся торжественный обед, на котором слово в честь императрицы произнес Феофан Прокопович.

На следующий день императрица принимала поздравления. «В числе поздравителей находился и сам император». Он, как писал Берхгольц, в соответствии со своим чином полковника Преображенского полка и общевойскового генерал-лейтенанта «по порядку старшинства принес свое поздравление императрице, поцеловал ее руку и в губы».

8 ноября 1724 года по приказу царя был арестован 30-летний щеголь Монс, брат Анны Монс, бывшей фаворитки царя. Вилим Монс занимал должность камергера Екатерины и одновременно заведовал ее вотчинной канцелярией.

В месяцы, предшествовавшие аресту Монса, между Петром и Екатериной сохранялись отношения взаимной нежности. Петр обращался к ней в письмах, как и прежде: «Катеринушка, друг мой сердешненькой, здравствуй!» В тон ему Екатерина отвечала: «Друг мой сердешненькой, господин адмирал, здравствуй на множество лет».

Вилим Монс, человек веселый, обходительный и служивый, был с 1716 года ближайшим другом императрицы. Его успех у Екатерины не был секретом в Петербурге, и вскоре покровительства камергера императрицы стали искаль самые высокопоставленные лица: министры, генералы, посланники зарубежных государств. Монс никогда никому не отказывал, за что и получил репутацию доброжелательного человека.

Петр долгое время не подозревал об этом увлечении императрицы. Но в конце концов узнал о нем из письма анонимного автора, который писал, что Монс задумал отравить царя, дабы самому вместе с императрицей править государством.

После ареста Монс, едва увидев орудия пыток, тут же во всем признался. Петр был настолько взбешен этимизнаниями, что едва не убил собственных дочерей. В гневе Петр

уничтожает подписанное на имя Екатерины завещание, он мрачен и беспощаден.

Для соблюдения приличий Петр выдвинул против Монса обвинение лишь во мздоимстве. Скорый суд нашел его виновным в злоупотреблении доверием императрицы – за взятки он добивался от нее милостей просителям. 16 ноября плач отсек одним ударом голову Монсу и тут же насадил на шест.

Петр строго запретил всем коллегиям принимать от государыни какие-либо приказания и рекомендации, а на личные средства императрицы был наложен арест.

После открывшегося романа с Монсом отношения между Петром и Екатериной стали настолько натянутыми, что они совершенно не общались друг с другом. Только в начале января 1725 года их дочери Елизавете (будущей императрице) удалось помирить отца с матерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.